

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Охрана прав и свобод личности в уголовном процессе РФ»

Обучающийся

И.А. Смирнова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

В условиях уголовного судопроизводства, где государство реализует свои властные полномочия наиболее интенсивно, применяя меры процессуального принуждения и ограничивая конституционные права граждан, проблема обеспечения баланса между публичными интересами борьбы с преступностью и защитой прав личности приобретает особую остроту.

Актуальность темы усиливается продолжающимся реформированием уголовно-процессуального законодательства, направленным на гармонизацию российского законодательства с международными стандартами в области прав человека. Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, развитие судебной практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ требуют комплексного научного осмысления эффективности существующих механизмов охраны прав личности и выработки предложений по их совершенствованию.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения и охраны прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие механизмы защиты прав участников уголовного процесса.

Целью исследования является комплексный анализ правовых механизмов охраны прав и свобод личности в уголовном процессе РФ, выявление проблем их реализации и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Структура работы определена целью и задачами и состоит из введения, трех глав, разделенных на шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Конституционные основы охраны прав и свобод личности в уголовном процессе	8
1.1 Понятие и содержание прав и свобод личности	8
1.2 Конституционные гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве	16
Глава 2 Механизмы обеспечения прав и свобод личности на различных стадиях уголовного процесса	24
2.1 Охрана прав личности на стадии предварительного расследования.....	24
2.2 Гарантии обеспечения прав личности в судебном разбирательстве	41
Глава 3 Проблемы и перспективы совершенствования механизмов охраны прав личности в уголовном процессе РФ	49
3.1 Основные нарушения прав личности в современной практике.....	49
3.2 Направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства	49
Заключение	79
Список используемой литературы и используемых источников	84

Введение

Актуальность исследования. В условиях уголовного судопроизводства, где государство реализует свои властные полномочия наиболее интенсивно, применяя меры процессуального принуждения и ограничивая конституционные права граждан, проблема обеспечения баланса между публичными интересами борьбы с преступностью и защитой прав личности приобретает особую остроту.

Современная практика применения уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о наличии значительного числа нарушений прав участников уголовного судопроизводства. Статистика Европейского Суда по правам человека демонстрирует, что Российская Федерация продолжает оставаться одним из лидеров по количеству жалоб на нарушения прав человека в сфере уголовного правосудия. Это обусловлено как несовершенством законодательных механизмов защиты прав личности, так и проблемами правоприменительной практики, включая необоснованное применение мер пресечения, нарушения права на защиту, процессуальные злоупотребления со стороны органов предварительного расследования.

Актуальность темы усиливается продолжающимся реформированием уголовно-процессуального законодательства, направленным на гармонизацию российского законодательства с международными стандартами в области прав человека. Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, развитие судебной практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ требуют комплексного научного осмысления эффективности существующих механизмов охраны прав личности и выработки предложений по их совершенствованию.

Кроме того, цифровизация уголовного судопроизводства, внедрение новых технологий расследования преступлений порождают дополнительные риски для прав и свобод граждан, связанные с незаконным получением и использованием персональных данных, применением оперативно-розыскных

мероприятий с использованием технических средств. В этой связи возникает необходимость переосмысления традиционных подходов к охране прав личности с учетом новых вызовов и угроз.

Степень разработанности исследования. Проблематика охраны прав и свобод личности в уголовном процессе традиционно привлекает внимание отечественных ученых-процессуалистов. Фундаментальный вклад в разработку теоретических основ обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве внесли такие классики российской процессуальной науки, как И.Я. Фойницкий, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий.

В современный период различные аспекты охраны прав участников уголовного процесса исследовались в работах А.Д. Бойкова, А.П. Гуськовой, З.Д. Еникеева, Л.Н. Масленниковой, П.А. Lupинской, И.Л. Петрухина, В.А. Михайлова, А.П. Рыжакова. Вопросы конституционных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве глубоко разработаны в трудах А.С. Александрова, Н.А. Колоколова, Л.В. Головки, В.Т. Батычко.

Проблемам обеспечения права на защиту посвящены исследования О.В. Химичевой, И.Б. Михайловской, Н.С. Манова, М.Ю. Барщевского. Механизмы судебного контроля за законностью действий и решений органов предварительного расследования анализировались С.Б. Российским, Т.Г. Морщаковой, Н.А. Громовым.

Специфику охраны прав отдельных категорий участников уголовного процесса изучали А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, Б.Т. Безлепкин, Н.Г. Шурухнов.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество научных работ, комплексное исследование современного состояния механизмов охраны прав личности на различных стадиях уголовного процесса с учетом последних изменений законодательства и правоприменительной практики остается актуальной научной задачей.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения и охраны прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие механизмы защиты прав участников уголовного процесса.

Целью исследования является комплексный анализ правовых механизмов охраны прав и свобод личности в уголовном процессе РФ, выявление проблем их реализации и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- раскрыть понятие и содержание прав и свобод личности в контексте уголовного судопроизводства;
- исследовать конституционные гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве и их отражение в уголовно-процессуальном законодательстве;
- проанализировать механизмы охраны прав личности на стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве по уголовным делам;
- выявить основные нарушения прав личности в современной правоприменительной практике;
- определить направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части усиления защиты прав участников уголовного процесса.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов познания правовых явлений. В работе использован диалектический метод как основа научного познания, позволяющий рассматривать механизмы охраны прав личности в их развитии и взаимосвязи с общественными отношениями.

Нормативную основу исследования составили международные правовые акты в области прав человека (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.), Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», иные федеральные законы и подзаконные акты.

Теоретическую основу работы составили научные труды отечественных ученых в области уголовно-процессуального права, конституционного права, теории государства и права, посвященные проблемам прав человека, уголовного судопроизводства, судебной власти. При подготовке исследования использовались работы специалистов в области прокурорского надзора, адвокатуры, криминалистики.

Структура работы определена целью и задачами и состоит из введения, трех глав, разделенных на шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Конституционные основы охраны прав и свобод личности в уголовном процессе

1.1 Понятие и содержание прав и свобод личности

Фундаментальное значение для понимания природы прав личности имеет естественно-правовая концепция, согласно которой человек обладает неотчуждаемыми правами в силу самого факта своего существования.

Б.Н. Чичерин рассматривал права человека через призму дуализма побуждений, указывая на то, что «стремление к самосохранению и личному счастью сочетается с неотразимой жалостью при виде чужих страданий, и из сочетания этих двух начал можно объяснить все правила естественного закона» [51, с. 279].

Альтернативную точку зрения представляет М.Н. Марченко, который наделяет естественные и публичные права «позитивными качествами и рассматривает права и свободы человека в аспекте их государственной октроированности» [22, с. 646]. Недостатком данного подхода является недооценка способности прав существовать независимо от их государственного признания.

Л.П. Рассказов развивает концепцию правового статуса личности, указывая на то, что «естественные права формируют общий правовой статус субъекта правоотношений, на базе которого формируется как специальное, так и индивидуальное правовое положение личности» [34, с. 171]. Данная трехуровневая система правового статуса представляется весьма продуктивной для систематизации всего комплекса прав и свобод, однако автор не уделяет достаточного внимания проблеме конкуренции различных элементов правового статуса в условиях их практической реализации.

М.И. Абдулаев справедливо отмечает, что «социум не может выступать инструментом субъективного воздействия отдельного индивида на качества публичной власти, поскольку личность, существующая в рамках правового

государства и выступающая частью гражданского общества, вряд ли может нуждаться в государственной опеке в аспекте реализации своих политических прав» [1, с. 92].

В отечественной правовой доктрине понятие личности в праве традиционно связывается с юридическим признанием индивидуальности и уникальности человека, а также его прав и обязанностей перед обществом и государством. Н.Г. Кузнецова выделяет пять основных компонентов правового понимания личности: гражданские права и обязанности, права личности, правовое признание, защиту личности и право на защиту данных [20, с. 29]. Данный подход заслуживает внимания в силу системности представленной структуры, однако его ограниченность заключается в недостаточном внимании к динамическому характеру правовой личности и отсутствии анализа механизмов реализации указанных компонентов в конкретных правоотношениях. Важно отметить, что автор справедливо включает в структуру личности право на защиту персональных данных как компонент, возникший в эпоху цифровизации, что отражает адаптивность правовой категории к современным вызовам.

Центральным вопросом теории прав личности является разграничение понятий «личные права» и «личные свободы». Как справедливо указывает Н.Г. Кузнецова, эти два понятия тесно связаны, но различаются по своему содержанию [20, с. 29]. Личное право гражданина описывает набор правовых норм и положений, непосредственно касающихся личных интересов и связанных с правовыми отношениями между гражданином и другими субъектами. Личная свобода же представляет собой состояние, описывающее свободу и автономию гражданина в его действиях и решениях в рамках правового государства [24, с. 32]. Такое разграничение представляется продуктивным, поскольку позволяет отделить нормативную составляющую от фактической возможности действовать. Однако данный подход не учитывает диалектическую взаимосвязь между правами и свободами, когда реализация одного невозможна без обеспечения другого.

Принципиальное значение для понимания сущности прав и свобод имеет концепция Б.С. Старина, который рассматривает право как меру свободы личности [40, с. 12]. Автор подчеркивает, что свобода должна базироваться на фундаменте развитого права и соответствующих законах, при этом индивид должен уметь отвечать за свои действия или поступки в рамках действующих норм права. Данная позиция отражает классическое понимание соотношения права и свободы, восходящее к либеральной традиции, однако она нуждается в дополнении с учетом социального измерения прав, когда государство не только ограничивает свободу через право, но и создает условия для её реализации.

Особую дискуссию в научной литературе вызывает вопрос о структуре правового статуса личности и месте в ней прав и свобод. Н.А. Бурашникова справедливо указывает на необходимость разграничения понятий «правовой статус личности» и «правовое положение личности». Автор придерживается позиции, согласно которой «правовой статус личности как система прав, свобод, законных интересов и обязанностей личности представляет собой ядро правового положения личности» [10, с. 17]. Данный подход представляется методологически обоснованным, поскольку позволяет выделить стабильные, константные элементы правового состояния личности, отделив их от вариативных характеристик, возникающих в конкретных правоотношениях. Вместе с тем автор не до конца раскрывает механизмы трансформации правового статуса в правовое положение при возникновении конкретных юридических фактов.

Важный вклад в понимание института личных прав вносит исследователь А.Х. Ульбашев, который рассматривает личные права как институт частного права, полагая, что они «составляют предмет гражданско-правового регулирования и их следует рассматривать как самостоятельную разновидность субъективных гражданских прав» [46, с. 29].

Более обоснованной является позиция А.Е. Шерстобитова, рассматривающего «личные права в объективном смысле как комплексный

правовой институт, включающий нормы различных отраслей права, основу которого составляют нормы конституционного права» [36, с. 337]. Такой подход позволяет охватить всю полноту правового регулирования личных прав, включая их конституционное закрепление, административно-правовую защиту, уголовно-правовую охрану и гражданско-правовые способы защиты.

Существенное значение для понимания структуры правового статуса личности имеет вопрос о месте в нем различных элементов. О.А. Короткова, анализируя различные подходы к структуре правового статуса, приходит к выводу о необходимости её построения на основе конституционных положений. Автор предлагает включить в структуру правового статуса личности следующие элементы: права и обязанности личности, гарантии личности, свободы, ответственность [19, с. 23]. При этом гражданство, правосубъектность и правовые состояния рассматриваются как следствие оформившихся и закрепленных конституционных положений. Данный подход представляется рациональным, поскольку он позволяет выделить собственно правовой статус как совокупность юридически закрепленных прав и обязанностей от его предпосылок.

Анализ нормативных актов, регулирующих права и свободы личности, необходимо начать с Конституции Российской Федерации, которая в статье 2 провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина определяет как обязанность государства [17]. Статья 17 Конституции устанавливает фундаментальное положение о том, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Система личных прав и свобод, закрепленная в Конституции РФ, включает право на жизнь (статья 20), достоинство личности (статья 21), право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23), право на неприкосновенность жилища (статья 25), право определять и

указывать свою национальную принадлежность и пользоваться родным языком (статья 26), право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (статья 27), свободу совести и вероисповедания (статья 28), свободу мысли и слова (статья 29).

Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 150 закрепляет перечень нематериальных благ, права на которые защищаются гражданским законодательством: «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство» [11]. Важно отметить, что данный перечень не является закрытым, что позволяет обеспечить защиту новых личных прав, возникающих в процессе общественного развития. Статья 152 ГК РФ устанавливает защиту чести, достоинства и деловой репутации, предоставляя гражданско-правовые механизмы защиты личных прав.

Уголовный кодекс РФ содержит специальную главу 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», включающую статью 127 о незаконном лишении свободы, статью 128.1 о клевете, что обеспечивает уголовно-правовую охрану личных прав [43]. Федеральный закон «О коммерческой тайне» в статье 14 регулирует вопросы защиты конфиденциальности [49], что является важным аспектом защиты личных прав в предпринимательской деятельности. Данные нормы создают многоуровневую систему защиты личных прав, охватывающую различные отрасли законодательства.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» существенно расширяет перечень личных неимущественных прав, включая в него право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию,

право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения [30]. Такое расширительное толкование судебной практикой перечня личных прав свидетельствует о динамичном характере данного института и необходимости его постоянной адаптации к меняющимся общественным отношениям.

Анализ прав личности не может быть полным без рассмотрения конкретных категорий прав. Право на жизнь, закрепленное в статье 20 Конституции РФ, является основополагающим личным правом, поскольку все остальные права производны от него. Это право включает не только запрет на произвольное лишение жизни, но и обязанность государства создавать условия для достойного существования. Право на достоинство личности (статья 21 Конституции РФ) предполагает уважение к человеку со стороны государства, общества и других лиц, а также запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. Право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции РФ) означает невозможность ареста, заключения под стражу и содержания под стражей иначе как по судебному решению. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23 Конституции РФ) предполагает запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, а также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Право на неприкосновенность жилища (статья 25 Конституции РФ) означает запрет на проникновение в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Право определять и указывать свою национальную принадлежность (статья 26 Конституции РФ) включает запрет

на принуждение к определению и указанию национальной принадлежности, а право пользоваться родным языком предполагает свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (статья 27 Конституции РФ) означает возможность каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации. Свобода совести и вероисповедания (статья 28 Конституции РФ) включает право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Свобода мысли и слова (статья 29 Конституции РФ) предполагает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, при этом гарантируется свобода массовой информации и запрещается цензура.

Содержание прав и свобод личности охватывает широкий спектр правомочий, которые могут быть систематизированы по различным основаниям. Личные права представляют собой первичный уровень правового статуса и включают право на жизнь, достоинство, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, жилища, тайну переписки и корреспонденции. Эти права непосредственно связаны с физическим и моральным существованием индивида и в наименьшей степени зависят от его государственной принадлежности. Политические права и свободы обеспечивают участие граждан в управлении делами государства и включают право на объединение, право на проведение публичных мероприятий, избирательные права, право на обращение в государственные органы. Особое значение среди политических прав имеет свобода слова и средств массовой информации, которая выступает основой для формирования общественного мнения и осуществления общественного контроля за деятельностью властных структур.

Особое место в системе прав личности занимает право собственности, которое Гегель рассматривал как «первый вид свободы, указывая на то, что свободная воля должна дать себе наличное бытие, и первым чувственным материалом этого наличного бытия являются вещи» [32, с. 290]. Данная философская концепция собственности как материализации свободной воли человека отражает глубинную связь между экономическими и личными правами, однако в современных условиях требует дополнения социальным измерением, учитывающим общественную функцию собственности.

Таким образом, анализ теоретических и правовых основ конституционных прав и свобод личности показывает наличие сложной системы взаимосвязанных проблем их реализации в Российской Федерации. Содержание прав и свобод охватывает личные, политические, экономические, социальные и культурные права, образующие целостную систему правового статуса личности. Естественнo-правовая концепция обосновывает неотчуждаемый характер основных прав, однако для их практической реализации требуется активная деятельность государства по их признанию, закреплению и защите. Право собственности выступает фундаментом правового государства и гражданского общества, обеспечивая экономическую независимость личности от публичной власти и формируя основу для реализации всех других прав и свобод. Концепция социального государства требует установления баланса между частными интересами собственников и общественными интересами всех членов общества.

Системные проблемы реализации прав и свобод личности в Российской Федерации связаны с недостаточным развитием института местного самоуправления, низким уровнем правовой культуры и правового сознания населения, проявлениями правового нигилизма и недоверием к государственным институтам. Ситуативные проблемы обусловлены текущей политической обстановкой и включают вопросы защиты прав военнослужащих, реализации прав на новых территориях и защиты прав российских граждан за рубежом. Для преодоления этих проблем необходимо

комплексное совершенствование правозащитного механизма, включающее развитие института Уполномоченного по правам человека, укрепление местного самоуправления, повышение правовой культуры населения через систему правового просвещения, обеспечение открытости и прозрачности деятельности государственных органов, борьбу с коррупцией и формирование эффективной системы правосудия, доступной для всех категорий граждан.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы. Личные права характеризуются неотчуждаемостью, принадлежностью каждому от рождения, безусловностью и абсолютным характером защиты от неограниченного круга лиц. Они составляют константную, незыблемую основу правового статуса личности, на которую «накладываются» иные права человека. Разграничение понятий «права личности» и «личные права» является принципиальным, поскольку первое понятие охватывает весь спектр прав человека, включая политические, социальные, экономические, культурные права, в то время как второе ограничивается правами, тесно связанными с человеческой личностью и принадлежащими ей от рождения.

1.2 Конституционные гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве

Проблема обеспечения конституционных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве представляет собой один из центральных вопросов современной правовой науки и практики. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, закрепила фундаментальные положения о правах и свободах человека, признав их высшей ценностью и возложив на государство обязанность по их защите. Уголовное судопроизводство как сфера наиболее интенсивного государственного принуждения требует особого внимания к механизмам

конституционных гарантий, поскольку именно здесь права личности подвергаются наибольшему ограничению и потенциальным нарушениям.

«Комплексный анализ конституционных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве невозможен без обращения к понятийному аппарату и доктринальным позициям ведущих российских ученых-процессуалистов. Особое место в этом контексте занимает институт защиты, который И.З. Коробов рассматривает как гарантию прав и свобод личности в современном уголовном судопроизводстве России» [18, с. 44]. Исследователь справедливо указывает на существенный пробел в российском законодательстве, связанный с отсутствием легальной дефиниции понятия «защита», в то время как в процессуальном законодательстве ряда государств бывшего СССР данное определение закреплено. Такая позиция заслуживает внимания, поскольку отсутствие законодательного определения фундаментального понятия создает неопределенность в правоприменительной практике и затрудняет единообразное понимание сущности защиты как конституционной гарантии. Однако автор не ограничивается простой констатацией проблемы, предлагая конкретное решение по внесению изменений в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

И.Я. Фойницкий в своем фундаментальном труде «Курс уголовного судопроизводства» раскрывает предмет защиты через «призму комплекса ограждающих невиновность подсудимого мер и прав в уголовном процессе, различая защиту в материальном и формальном смысле» [50, с. 45]. Такой дуалистический подход представляется весьма продуктивным, так как позволяет разграничить содержательную и процедурную стороны защиты как конституционной гарантии. Вместе с тем, учитывая современные реалии уголовного судопроизводства, данная концепция нуждается в расширении за счет включения в предмет защиты не только невиновности, но и законных интересов лица на всех стадиях уголовного процесса, включая досудебное производство, где роль защиты особенно значима.

Н.Н. Полянский в работе «Правда и ложь в уголовной защите» предлагает понимать защиту как обоснование доказательств, имеющих в деле, и представление новых доказательств в пользу подзащитного [27, с. 38]. Данное определение акцентирует внимание на доказательственной деятельности защитника, что безусловно является важным аспектом реализации конституционного права на защиту. Однако такой подход представляется несколько узким, поскольку сводит защиту исключительно к работе с доказательствами, упуская из виду иные важнейшие функции защиты, такие как консультирование подзащитного, обеспечение соблюдения его процессуальных прав, участие в процессуальных действиях и принесение жалоб на незаконные действия и решения органов предварительного расследования и суда. Кроме того, автор не учитывает психологический и этический аспекты деятельности защитника, которые имеют существенное значение для эффективной реализации конституционных гарантий.

Ф.Н. Фаткуллин, З.З. Зинатуллин и Я.С. Аврах в совместной работе «Обвинение и защита по уголовным делам» определяют защиту как «деятельность, ориентированную на уменьшение ответственности обвиняемого, снижение размера причиненного ущерба, опровержение обвинения или его частей» [47, с. 45]. Такая трактовка защиты как целенаправленной деятельности по минимизации неблагоприятных последствий для обвиняемого отражает практическую сторону реализации конституционного права на защиту. Ценность данного подхода заключается в признании многовариантности целей защиты в зависимости от обстоятельств конкретного дела и избранной позиции защиты. Вместе с тем авторы не раскрывают конституционно-правовую природу защиты, ограничиваясь описанием ее практических целей, что не позволяет в полной мере осмыслить место защиты в системе конституционных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве.

Ю.И. Стецовский и А.М. Ларин в работе «Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту» рассматривают защиту как

«целестремленную и сознательную деятельность представителей стороны защиты, выражающуюся в качестве процессуального интереса» [41, с. с. 152]. Данная позиция примечательна тем, что авторы связывают защиту с процессуальным интересом, что позволяет рассматривать ее через призму состязательности уголовного процесса и баланса интересов сторон обвинения и защиты. Конституционный аспект защиты здесь выходит на первый план, что соответствует современному пониманию уголовного судопроизводства как сферы реализации конституционных прав и свобод. Однако авторы не конкретизируют, что именно следует понимать под процессуальным интересом стороны защиты и каким образом этот интерес соотносится с объективной истиной и публичным интересом в справедливом разрешении уголовного дела.

Обобщая различные доктринальные подходы к определению защиты, И.З. Коробов предлагает внести изменения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дополнив ее пунктом 12-1 следующего содержания: защита - процессуальная деятельность, осуществляемая стороной защиты по обеспечению прав и законных интересов лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, средствами и способами, не противоречащими закону, направленная на опровержение обвинения, выявление обстоятельств, оправдывающих подозреваемого, обвиняемого, либо смягчающих их ответственность. Данное определение представляется наиболее сбалансированным и полным, поскольку охватывает субъектный состав защиты, ее цели, средства и способы осуществления. Особо следует отметить указание на законность средств и способов защиты, что подчеркивает правовой характер данной деятельности и ее подчиненность конституционным принципам законности и справедливости. Закрепление такого определения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации действительно привело бы к паритету обвинения и защиты в уголовном процессе на уровне законодательных

формулировок, что соответствует конституционному принципу состязательности и равноправия сторон.

Важнейшей классической гарантией прав и свобод личности является презумпция невиновности, предполагающая невиновность каждого человека вплоть до момента доказательства его вины вступившим в законную силу приговором суда. Данная гарантия имеет фундаментальное значение для всего уголовного судопроизводства, поскольку определяет распределение бремени доказывания и устанавливает правило о толковании неустранимых сомнений в виновности лица в его пользу.

Презумпция невиновности тесно связана с другими конституционными гарантиями, в частности с правом на защиту и состязательностью уголовного процесса, образуя единую систему обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве.

Достаточно важной гарантией является запрет повторного осуждения человека за совершение одного и того же преступления. Данная гарантия, известная в мировой практике как принцип *non bis in idem*, защищает личность от произвольного преследования и обеспечивает правовую определенность, не позволяя государству неоднократно привлекать лицо к ответственности за одно и то же деяние.

Недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением закона, стимулирует должностных лиц строго соблюдать процессуальную форму при собирании и проверке доказательств, что в конечном итоге способствует установлению истины по делу и вынесению законного и обоснованного приговора.

Гражданин имеет право на пересмотр судебного приговора теми судебными инстанциями, которые имеют соответствующее право в соответствии с законодательством России. Данная гарантия обеспечивает возможность исправления судебных ошибок и реализуется через систему апелляционного, кассационного и надзорного производства, а также

производства по возобновлению дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Множественность инстанций судебного контроля создает надежную систему проверки законности и обоснованности судебных решений, что особенно важно в уголовном судопроизводстве, где ошибка суда может привести к необоснованному осуждению невиновного или неадекватному наказанию виновного.

Необходимо отметить гарантию, в соответствии с которой гражданин России не имеет обязательства по свидетельствованию против себя самого, а также против круга близких родственников, определенных законодательством. Данная гарантия, известная как привилегия против самообвинения, имеет глубокие исторические корни и признается в качестве одного из основополагающих прав человека в международных актах о правах человека. Она защищает личность от принуждения к даче показаний, которые могут быть использованы против нее, и обеспечивает уважение человеческого достоинства в уголовном процессе. Распространение этой гарантии на близких родственников отражает признание государством значимости семейных связей и невозможности требовать от человека свидетельствовать против своих близких.

Гарантии касаются защиты государством прав потерпевших, что предполагает необходимость возмещения вреда потерпевшему, возникшего вследствие совершения в его отношении преступления или злоупотребления властными полномочиями. Данная гарантия отражает сбалансированный подход законодателя к обеспечению прав различных участников уголовного судопроизводства, поскольку защита прав обвиняемого не должна осуществляться в ущерб правам потерпевшего, который также нуждается в государственной защите и поддержке.

Возмещение вреда потерпевшему является одной из целей уголовного судопроизводства и реализуется как через институт гражданского иска в уголовном процессе, так и через механизм компенсации за счет государства в

случаях, когда вред причинен незаконными действиями должностных лиц [52, с. 334].

Также следует отметить «гарантию в форме запрета обратной силы закона, что предполагает невозможность осуждения гражданина за преступление, которое на момент совершения не имело соответствующего правового статуса, а также отягчения наказания, принятого законодательством после совершения соответствующего преступления» [52, с. 336]. Данная гарантия является проявлением общеправового принципа правовой определенности и обеспечивает возможность для граждан планировать свое поведение в соответствии с действующим законодательством. В то же время «закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, что отражает гуманистическую направленность российского уголовного законодательства» [53, с. 336].

Ю.И. Гревцов в работе о прямом действии Конституции справедливо отмечает, что «многие гарантии в Конституции не содержат в себе соответствующей формулировки, но использование в рамках основного закона определенных прав и свобод как объекта защиты государства само по себе является гарантией, ведь Конституция обладает прямым действием» [12, с. 96]. Данное положение имеет принципиальное значение для практики применения конституционных норм в уголовном судопроизводстве, поскольку означает, что суды и иные органы государственной власти должны непосредственно применять конституционные нормы о правах и свободах человека, не дожидаясь принятия конкретизирующих их законов.

Прямое действие Конституции обеспечивает эффективность конституционных гарантий и не позволяет законодателю или правоприменителю игнорировать конституционные предписания под предлогом отсутствия детального регулирования в отраслевом законодательстве.

Комплексный анализ конституционных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве показывает, что Российская Федерация восприняла современные международные стандарты в области прав человека и создала развитую систему их защиты на конституционном уровне. Вместе с тем эффективность конституционных гарантий определяется не только качеством их законодательного закрепления, но и практикой реализации в деятельности правоохранительных органов и судов.

Таким образом, конституционные гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве представляют собой сложную систему взаимосвязанных правовых средств, направленных на обеспечение защиты прав и свобод человека в условиях государственного принуждения. Анализ доктринальных позиций отечественных ученых-процессуалистов показывает, что понимание защиты как ключевой конституционной гарантии прошло длительную эволюцию от узкого толкования ее как доказательственной деятельности до широкого понимания как комплексной процессуальной деятельности по обеспечению прав и законных интересов лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство.

Глава 2 Механизмы обеспечения прав и свобод личности на различных стадиях уголовного процесса

2.1 Охрана прав личности на стадии предварительного расследования

Предварительное расследование представляет собой одну из наиболее значимых стадий уголовного судопроизводства, поскольку именно на этом этапе закладывается фундамент для последующего судебного разбирательства и в максимальной степени проявляется потенциальная угроза нарушения прав и свобод личности. Однако достижение указанных целей не должно происходить в ущерб конституционным правам граждан, что обуславливает актуальность исследования механизмов охраны прав личности на данной стадии уголовного процесса. В научной литературе особое внимание уделяется институту общих условий предварительного расследования, который выступает правовой основой для охраны прав участников процесса.

А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын и другие исследователи основываются на том, что общие условия предварительного расследования содержатся только в главе 21 УПК РФ [21, с. 647]. Данная позиция представляется узкой и ограничительной, поскольку она не учитывает системный характер уголовно-процессуального регулирования и взаимосвязь различных правовых институтов. Сосредоточение внимания исключительно на положениях одной главы кодекса не позволяет в полной мере раскрыть механизм охраны прав личности, который реализуется через совокупность норм, распределенных по различным структурным элементам УПК РФ.

Альтернативную точку зрения выдвигают Б.Б. Буланов и А.М. Баранов, которые относят к общим условиям предварительного расследования не только положения главы 21 УПК РФ, но и те, которые изложены в главе 22 УПК РФ [45, с. 236]. Это более широкий подход, позволяющий учесть процессуальные особенности различных форм предварительного

расследования и соответствующие им гарантии прав участников процесса. Вместе с тем данная концепция также не является исчерпывающей, поскольку ограничивает круг релевантных нормативных положений лишь двумя главами кодекса, в то время как охрана прав личности осуществляется посредством целого комплекса процессуальных институтов, включая институты обжалования, мер процессуального принуждения, участия защитника и другие.

Неоднозначность научных подходов свидетельствует о том, что в настоящий момент в науке уголовно-процессуального права отсутствует единое понимание предмета изучения, когда речь идет об изучении общих условий предварительного расследования. Для разрешения обозначенной проблемы необходимо обратиться к терминологическому анализу. Наименование исследуемого института представляет собой совокупность двух групп родовых терминов: «общие условия» и «предварительное расследование». В Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова термин «общий» трактуется как «распространяющийся, охватывающий всех, все, касающийся многих, каждого, обязательный, установленный для всех лиц» [9]. Там же под термином «условие» предлагается понимать основу, предпосылку чего-либо, необходимое, обязательное, главное. Термин «предварительное расследование» используется для «определения самостоятельной второй досудебной стадии уголовного судопроизводства, начинающейся с момента возбуждения уголовного дела и выражающейся в процессуальной деятельности определенного круга субъектов, направленной на достижение конкретного результата» [9].

На стадии предварительного расследования реализуется основной принцип уголовного судопроизводства, а именно защита прав и законных интересов лиц или организаций, которым был причинен ущерб вследствие противоправных действий, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения. Данный принцип имеет конституционное значение и находит свое отражение в статье 6 УПК РФ, устанавливающей

назначение уголовного судопроизводства [44]. «Для соблюдения данного основополагающего принципа уголовного судопроизводства лицам, осуществляющим уголовное преследование, необходимо соблюдать права и законные интересы участников предварительного расследования, которые закреплены в УПК РФ» [38, с. 122].

К числу важнейших конституционных прав, подлежащих охране на стадии предварительного расследования, относится неприкосновенность личности, закрепленная в статье 22 Конституции РФ [17] и конкретизированная в статье 10 УПК РФ [44]. Данное право предполагает, что никто не может быть подвергнут задержанию или заключению под стражу иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

Неприкосновенность жилища, гарантированная статьей 25 Конституции РФ и статьей 12 УПК РФ, также является важнейшей составляющей охраны прав личности на стадии предварительного расследования. Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, когда производство осмотра жилища возможно на основании постановления следователя с последующим уведомлением суда и прокурора в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия.

Тайна переписки, телефонных и иных переговоров и сообщений, закрепленная в статье 23 Конституции РФ и статье 13 УПК РФ, подлежит ограничению только на основании судебного решения. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров могут производиться только по судебному решению при наличии достаточных оснований полагать, что почтово-телеграфные отправления лица или переговоры могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела. Данные меры применяются в отношении подозреваемых, обвиняемых и других лиц, которые могут располагать сведениями об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу.

Особое значение для охраны прав личности на стадии предварительного расследования имеет обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, закрепленное в статье 16 УПК РФ [44]. Право на защиту выражается в возможности обвиняемого иметь адвоката или представителя, который обладает комплексом процессуальных полномочий, направленных на обеспечение интересов своего доверителя. Защитник вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, иметь свидания с подозреваемым или обвиняемым наедине и конфиденциально, присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе и других следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого, знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия и решения следователя и прокурора.

В случаях, предусмотренных статьей 51 УПК РФ, участие защитника в уголовном судопроизводстве является обязательным, что обеспечивает дополнительные гарантии прав наиболее уязвимых категорий обвиняемых и подозреваемых. К таким случаям относятся ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника, является несовершеннолетним, в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту, не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу, лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь, уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40 УПК РФ [44].

Право на обжалование процессуальных решений, действий или бездействия должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, установленное статьей 19 УПК РФ, является важнейшим механизмом охраны

прав личности и обеспечения законности на стадии предварительного расследования.

Судебный порядок обжалования, предусмотренный главой 16 УПК РФ, обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав участников процесса, поскольку суд является независимым и беспристрастным органом, не связанным с органами уголовного преследования.

Для реализации прав участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет обязательность рассмотрения ходатайств лиц, участвующих на стадии предварительного расследования, что регламентировано статьей 119 УПК РФ [44]. Ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу и подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления, при этом в случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее трех суток со дня его заявления. При необходимости могут применяться меры по защите участников процесса, что предусмотрено главой 9 УПК РФ, устанавливающей меры безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства.

Статья 166 УПК РФ, регламентирующая порядок оформления протокола следственного действия, предоставляет возможность по мотивированному постановлению следователя при согласии прокурора засекретить личность свидетеля или потерпевшего, а в материалах дела вместо полного имени, отчества и фамилии указать псевдоним. Данная мера направлена на защиту участников процесса от возможного противоправного воздействия со стороны заинтересованных лиц и обеспечивает им возможность свободно давать показания, не опасаясь за свою безопасность или безопасность близких.

Лицам, которые угрожают совершением противоправных действий в отношении участников предварительного расследования, могут быть применены меры ответственности, а в отношении обвиняемого может быть

избрана более строгая мера пресечения, если угрозы исходят от данного лица. Это обеспечивает не только защиту потенциальных жертв противоправного воздействия, но и создает дополнительные гарантии объективности и полноты предварительного расследования, поскольку исключает возможность воспрепятствования установлению истины по уголовному делу путем запугивания свидетелей и потерпевших.

Право знакомиться со всеми материалами дела предоставляется участникам процесса на различных этапах предварительного расследования в зависимости от их процессуального статуса. Каждая сторона процесса может ознакомиться с материалами дела, в особенности это относится к потерпевшему и обвиняемому, как лично, так и в лице представителя, поскольку это напрямую затрагивает их права. По окончании предварительного следствия в соответствии со статьей 217 УПК РФ следователь обязан уведомить обвиняемого и его защитника о завершении производства следственных действий и разъяснить им право знакомиться со всеми материалами уголовного дела как по отдельности, так и вместе. Потерпевший или его представитель после окончания предварительного расследования вправе знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств.

Право лиц заявлять отводы, предусмотренное главой 9 УПК РФ, также является важным инструментом обеспечения объективности и беспристрастности предварительного расследования [44]. Отвод может быть заявлен дознавателю, следователю, прокурору при наличии обстоятельств, предусмотренных статьями 61 и 62 УПК РФ, к которым относятся его участие в производстве по данному уголовному делу в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого,

представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, если он является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела.

За соблюдением прав участников стадии предварительного расследования следит прокурор в рамках прокурорского надзора, что составляет надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Данная задача работников прокуратуры закреплена в Федеральном законе от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», целью которого является охрана основных прав и свобод в рамках оперативно-розыскной деятельности, в том числе на стадии предварительного расследования [48].

Проблема обеспечения и охраны прав личности на досудебных стадиях уголовного процесса остается одной из центральных в современной процессуальной науке и правоприменительной практике. Предварительное расследование представляет собой наиболее сложный и противоречивый этап уголовного судопроизводства, на котором наиболее остро проявляется конфликт между публичными интересами государства в раскрытии преступлений и необходимостью защиты конституционных прав и свобод граждан. Именно на этой стадии закладывается фундамент для последующего справедливого судебного разбирательства, и именно здесь права участников процесса подвергаются наибольшим ограничениям и рискам нарушения.

Ю.А. Репин справедливо отмечает, что «основную роль в защите и охране прав граждан на досудебной стадии играет следователь, выступающий в уголовном судопроизводстве на стороне обвинения, на плечи которого возлагается обязанность проведения предварительного расследования по уголовному делу» [35, с. 334]. Исследователи подчеркивают «краеугольную особенность работы следователя, которая состоит в том, что он вынужден

вторгаться в область личных прав и свобод человека и гражданина, тем самым подвергая их ограничению» [35, с. 334]. Данная позиция заслуживает внимания, поскольку точно отражает дуалистическую природу деятельности следователя, который одновременно выступает и как субъект, реализующий функцию уголовного преследования, и как гарант соблюдения процессуальных прав участников. Однако автор не раскрывает механизмы разрешения этого противоречия и не предлагают конкретных процессуальных инструментов, которые позволили бы сбалансировать эти две роли следователя. Кроме того, в работе недостаточно внимания уделено контрольным функциям руководителя следственного органа и прокурора, которые призваны обеспечивать законность действий следователя.

Ю.А. Репин обращает внимание на конституционные основы ограничения прав граждан, указывая, что «Конституция Российской Федерации предписывает возможность ограничения прав человека и гражданина федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [35, с. 334].

Особого внимания заслуживает критический анализ Ю.А. Репиным проблемы признания лица потерпевшим. Автор совершенно обоснованно указывает, что «центральным лицом предварительного расследования выступает потерпевший, однако в соответствии с законодательством им признается лишь тот, кто прямо указан в соответствующем постановлении следователя» [35, с. 334]. Исследователь выявляет серьезный пробел в правовом регулировании, отмечая, что «в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нет ограничения на срок, в который лицо обязано быть признано потерпевшим по делу, что на практике создает несвоевременное принятие подобного решения уже на финальной стадии досудебного производства» [35, с. 335]. Это предложение согласуется с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 29

июня 2010 года, согласно которой статус потерпевшего в процессе устанавливается из фактического положения и фиксируется постановлением [28]. Однако Ю.А. Репин не учитывает возможные процессуальные сложности реализации своего предложения, в частности, проблему определения момента, когда можно считать достоверно установленным факт причинения вреда конкретному лицу, особенно на начальном этапе расследования.

Ю.А. Репин делает важный вывод о том, что «непосредственное действие прав подразумевает беспрепятственную реализацию прав, которые нуждаются в конкретизации в отраслевом нормативно-правовом акте – УПК РФ, разработку специальных процедур, которые бы упорядочивали соблюдение, осуществление и их защиту» [35, с. 335]. Эта мысль правильно отражает необходимость детализации конституционных гарантий в уголовно-процессуальном законодательстве, однако автор не предлагает конкретных механизмов такой детализации и не анализирует существующие процессуальные гарантии на предмет их достаточности.

Говоря об институте следственных действий, Ю.А. Репин отмечает, что «закон не разрешает при проведении следственных действий угрожать, применять насилие или создавать опасные условия для лиц, которые принимают участие в указанных мероприятиях» [35, с. 335]. При этом автор акцентирует внимание на том, что «нарушением закона или неправомерным давлением не рассматривается сам факт разъяснения следователем потерпевшему и свидетелю ответственности, если последние будут уклоняться или откажутся от дачи показаний по делу» [35, с. 335]. Это важное уточнение, поскольку на практике нередко возникают споры о том, является ли предупреждение об уголовной ответственности формой психологического давления. Вместе с тем автор не анализирует границу между законным предупреждением и неправомерным психологическим воздействием, что оставляет вопрос открытым для правоприменительной практики.

И.С. Смирнова в своем исследовании обращает внимание «на специфику уголовно-процессуальной деятельности, которая состоит в том, что в ходе нее

наиболее жестко могут быть ограничены права участников процесса, в связи с чем на властных участников возлагаются обязанности по соблюдению принципов уголовного судопроизводства, запрещающих нарушать права иных участников, а также обязанности по охране и обеспечению прав и законных интересов участников процесса» [39, с. 67]. Исследователь отмечает, что «право каждого подозреваемого и обвиняемого на пользование помощью защитника получило конкретизированное содержание в статье 49 УПК РФ, где определен момент вступления защитника в уголовное дело и даже на стадии доследственной проверки» [39, с. 68]. Эта позиция является принципиально важной, поскольку подчеркивает необходимость обеспечения права на защиту с самых ранних этапов уголовно-процессуальной деятельности. Однако И.С. Смирнова не анализирует проблемы фактической реализации этого права, в частности, вопросы доступности квалифицированной юридической помощи для малообеспеченных граждан.

И.С. Смирнова формулирует важный тезис о том, что «производство любого процессуального действия имеет нормативный характер, а в ходе его осуществления возникают и реализуются взаимоотношения правоприменителя и определенного участника уголовного процесса» [39, с. 68]. «При этом властный субъект процесса, обладая арсеналом полномочий, имеет и обязанности, тщательное исполнение которых обеспечивает реализацию процессуальных прав других участников правоотношений, включая обязательно доступное для восприятия и понимания разъяснение прав и свобод, неоказание физического и психологического воздействия в процессе принятия уголовно преследуемым лицом, свидетелем, потерпевшим, иным участником решения» [39, с. 68]. Это правильное замечание, которое, однако, нуждается в дополнении механизмами контроля за исполнением этих обязанностей и системой ответственности за их нарушение.

Приведем практический пример, демонстрирующий системные нарушения прав личности при осуществлении фактического уголовного

преследования. «Уголовное дело, возбужденное 3 марта 2022 года по факту совершения преступления, предусмотренного пунктом «б» части 6 статьи 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в котором уголовное преследование гражданина М. фактически и юридически началось с регистрации сообщения о преступлении 16 февраля 2022 года, при этом сотрудники органа дознания и следователь указывали в официальных документах процессуальные права М., в частности, конституционные права не свидетельствовать против самого себя, на защиту, пользование родным языком» [23]. «Следователь направил М. уведомление о возбуждении уголовного дела, хотя такое уведомление согласно части 4 статьи 146 УПК РФ направляется заявителю и лицу, в отношении которого возбуждено дело, при этом М. не являлся заявителем о преступлении и не был указан в постановлении о возбуждении уголовного дела как подозреваемый. Этот пример наглядно демонстрирует проблему фактического уголовного преследования, которое осуществляется без надлежащего процессуального оформления статуса лица. Юридически уголовное преследование М. было оформлено избранием в отношении него меры пресечения 5 июля 2022 года, спустя 4 месяца после возбуждения уголовного дела, при этом в описательно-мотивировочной части постановления об избрании меры пресечения не указано, что он совершил преступление» [23].

«Данная мера пресечения была применена незаконно и необоснованно, а ее отмена 14 июля 2022 года в связи с тем, что в установленный законом срок обвинение М. не было предъявлено, свидетельствует о незаконности придания ему статуса подозреваемого. Права М. как уголовно преследуемого лица были нарушены, поскольку в ходе осуществления в отношении него фактического уголовного преследования он либо не имел никакого юридически оформленного процессуального статуса, либо находился в статусе свидетеля, при этом следователем проигнорированы положения статьи 56 УПК РФ. Этот анализ убедительно демонстрирует серьезность проблемы фактического уголовного преследования и его разрушительное влияние на права личности.

Особо грубое нарушение прав М., которое заключалось в том, что перед допросом в качестве свидетеля ему были разъяснены права и обязанности свидетеля, в частности, обязанность давать показания и при этом правдивые, он был предупрежден об уголовной ответственности по статьям 307 и 308 УК РФ, при этом такой допрос был произведен в нарушение субъективных прав М., и его показания в качестве свидетеля не обладают свойством допустимости» [23].

Анализ нормативно-правовой базы, показывает, что основным актом, регулирующим вопросы охраны прав личности на стадии предварительного расследования, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, устанавливает базовые принципы ограничения прав граждан в статье 55 части 3, а также гарантии права на защиту в статьях 45 и 48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17 в редакции от 16 мая 2017 года «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» конкретизирует порядок признания лица потерпевшим. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за лжесвидетельство и отказ от дачи показаний в статьях 307 и 308 [43], а также регулирует особенности производства по делам несовершеннолетних в главе 50 УПК РФ и особенности допроса несовершеннолетних в статье 191 УПК РФ [44]. Анализ этих нормативных актов показывает, что российское законодательство содержит достаточно развитую систему гарантий прав личности, однако проблемы возникают на уровне правоприменительной практики, где эти гарантии нередко игнорируются или формально соблюдаются.

Проведенное исследование охраны прав личности на стадии предварительного расследования позволяет констатировать наличие в российском уголовно-процессуальном законодательстве достаточно развитой

нормативной базы, направленной на защиту конституционных прав граждан. Система процессуальных гарантий, закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, охватывает широкий спектр прав участников процесса и предусматривает механизмы их реализации и защиты. Конституционные принципы неприкосновенности личности, жилища, тайны переписки и телефонных переговоров получили детальную регламентацию в процессуальном законодательстве, что создает правовую основу для ограничения произвола со стороны органов уголовного преследования.

Вместе с тем анализ научной литературы и правоприменительной практики выявляет существенные проблемы в реализации законодательных гарантий. Наиболее острой остается проблема фактического уголовного преследования без надлежащего процессуального оформления статуса лица, что лишает граждан возможности воспользоваться процессуальными правами, предусмотренными для подозреваемых и обвиняемых.

Не менее серьезной проблемой является несвоевременное признание лица потерпевшим, что лишает граждан, пострадавших от преступления, возможности активно участвовать в процессе доказывания и отстаивать свои законные интересы на ранних этапах расследования. Отсутствие в законодательстве четких временных рамок для вынесения постановления о признании потерпевшим создает возможности для злоупотреблений и приводит к тому, что граждане узнают о своем процессуальном статусе только на завершающей стадии предварительного расследования, когда возможности влияния на ход следствия оказываются существенно ограниченными. Это противоречит конституционному принципу судебной защиты прав и свобод, поскольку лишает граждан эффективных средств защиты своих интересов именно на том этапе, когда такая защита наиболее необходима.

Проблема компенсации ущерба потерпевшим остается одной из наиболее болезненных в российском уголовном процессе. Статистические данные, согласно которым реально возмещается не более тридцати процентов причиненного ущерба, свидетельствуют о низкой эффективности

существующих механизмов восстановления нарушенных прав. Особенно остро эта проблема проявляется в ситуациях, когда лицо, совершившее преступление, не установлено или не имеет имущества, достаточного для возмещения вреда. Действующее законодательство фактически оставляет таких потерпевших без какой-либо компенсации, что не соответствует современным представлениям о социальной функции государства и его обязанности защищать права и законные интересы граждан.

Институт общих условий предварительного расследования, несмотря на его центральное значение для обеспечения прав участников процесса, до настоящего времени не получил единообразного понимания в процессуальной науке. Дискуссия о том, ограничивается ли этот институт положениями главы 21 УПК РФ или включает нормы других глав кодекса, отражает более глубокую проблему системности уголовно-процессуального регулирования. Охрана прав личности не может быть обеспечена исключительно нормами одной главы или даже одного раздела кодекса, поскольку представляет собой сквозную задачу, пронизывающую все институты уголовного процесса. Право на защиту, право на обжалование, право на возмещение вреда и другие процессуальные гарантии образуют единую систему, элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Роль следователя в обеспечении прав личности на стадии предварительного расследования носит двойственный характер. С одной стороны, следователь является субъектом уголовного преследования и обязан принимать все предусмотренные законом меры для раскрытия преступления и изобличения виновных лиц. С другой стороны, именно на следователя возлагается обязанность разъяснять участникам процесса их права, обеспечивать возможность реализации этих прав и защищать участников от незаконного и необоснованного обвинения. Это противоречие между функцией обвинения и функцией защиты прав личности не может быть разрешено исключительно на уровне профессиональной этики следователя и

требует создания эффективных внешних механизмов контроля за его деятельностью.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования остается важнейшим механизмом обеспечения законности и охраны прав участников процесса. Однако эффективность этого механизма существенно снижается вследствие перегруженности прокуроров и фактической невозможности осуществлять детальный контроль за каждым уголовным делом. Кроме того, прокурор, осуществляя надзор, одновременно является участником процесса на стороне обвинения, что создает определенный конфликт интересов и может влиять на объективность надзорных решений. Судебный контроль на досудебных стадиях, несмотря на его развитие в последние десятилетия, также не лишен недостатков, поскольку суд принимает решения на основании материалов, представленных стороной обвинения, и не имеет возможности провести всестороннюю проверку обоснованности ходатайств следователя.

Анализ конституционных основ ограничения прав граждан показывает, что российское законодательство в целом соответствует международным стандартам защиты прав человека. Конституция РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это положение имплементирует принцип пропорциональности, признанный в международном праве и практике Европейского Суда по правам человека. Однако реализация этого принципа на уровне правоприменительной практики сталкивается с серьезными трудностями, поскольку законодательство не содержит четких критериев оценки необходимости и достаточности ограничительных мер.

Для совершенствования правового регулирования охраны прав личности на стадии предварительного расследования представляется

целесообразным внести в Уголовно-процессуальный кодекс РФ ряд изменений. В статью 42 УПК РФ, определяющую процессуальный статус потерпевшего, следует включить положение о том, что постановление о признании потерпевшим должно быть вынесено не позднее трех суток с момента установления факта причинения физического, имущественного или морального вреда преступлением. Данная норма должна предусматривать право лица, которому причинен вред преступлением, обжаловать в судебном порядке бездействие следователя, выражающееся в невынесении постановления о признании потерпевшим в установленный срок. Это изменение позволит устранить правовую неопределенность и обеспечит своевременное предоставление процессуальных гарантий лицам, пострадавшим от преступления.

В части 1 статьи 46 УПК РФ, определяющей момент, с которого лицо приобретает статус подозреваемого, необходимо дополнить перечень оснований возникновения этого статуса. К таким процессуальным действиям следует отнести направление уведомлений о правах подозреваемого, истребование объяснений с разъяснением права не свидетельствовать против себя, производство обысков по месту жительства или работы лица. Одновременно в статью 56 УПК РФ следует внести дополнение, согласно которому не подлежит допросу в качестве свидетеля лицо, в отношении которого имеются достаточные данные о причастности к совершению преступления, до разъяснения ему права не свидетельствовать против себя и права пользоваться помощью защитника. Эти изменения позволят исключить практику фактического уголовного преследования под видом допроса в качестве свидетеля и обеспечат реальное соблюдение конституционного права не свидетельствовать против самого себя.

В целях обеспечения эффективной компенсации вреда потерпевшим от преступлений представляется необходимым принятие федерального закона о государственной компенсации вреда жертвам преступлений, который предусмотрел бы создание специального фонда, формируемого за счет средств

федерального бюджета и отчислений от штрафов и иных санкций, налагаемых на лиц, совершивших преступления. Право на получение компенсации из этого фонда должно возникать у потерпевшего в случаях, когда лицо, совершившее преступление, не установлено в течение установленного законом срока, когда причинитель вреда не имеет имущества, достаточного для возмещения ущерба, либо когда взыскание с причинителя вреда невозможно по иным основаниям.

Размер компенсации должен определяться исходя из характера и размера причиненного вреда с установлением разумных пределов, обеспечивающих баланс между интересами потерпевших и финансовыми возможностями государства. Государство, выплатившее компенсацию потерпевшему, приобретает право регресса к лицу, причинившему вред, что позволит восстановить справедливость и не создаст необоснованных преференций для преступников.

Институт процессуальных сроков нуждается в более четкой регламентации применительно к обеспечению прав участников процесса. Статью 162 УПК РФ следует дополнить положением о том, что нарушение сроков рассмотрения ходатайств участников процесса, установленных статьей 119 УПК РФ [44], является основанием для признания недопустимыми доказательств, полученных после истечения срока рассмотрения ходатайства, если эти доказательства могли быть получены в результате удовлетворения ходатайства. Данная норма создаст действенный стимул для следователей своевременно рассматривать ходатайства участников процесса и обеспечит реальность права на участие в доказывании.

Предложенные изменения законодательства направлены на устранение наиболее существенных пробелов правового регулирования и создание условий для реального, а не формального соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве.

Однако никакие, даже самые совершенные законодательные конструкции не смогут обеспечить эффективную охрану прав личности без

изменения правосознания должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, без формирования у них устойчивой установки на безусловное соблюдение прав участников процесса как высшей ценности правового государства.

2.2 Гарантии обеспечения прав личности в судебном разбирательстве

Проблема обеспечения прав личности в судебном разбирательстве представляет собой одну из центральных тем современного уголовно-процессуального права, поскольку именно на стадии судебного разбирательства происходит окончательное разрешение уголовного дела и определяется судьба человека. Конституция Российской Федерации в статье 2 провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, возлагая на государство и его органы обязанность по их соблюдению и защите, что предопределяет необходимость создания эффективной системы гарантий реализации этих прав на всех стадиях уголовного судопроизводства.

М.С. Строгович внес значительный вклад в разработку теории процессуальных гарантий, определяя их «как установленные законом средства и способы, при помощи которых граждане имеют реальную возможность полно и беспрепятственно использовать свои права, защищать свои законные интересы, а также как установленные законом положения, которые обязывают соответствующие органы и должностных лиц оберегать права граждан от посягательств, разъяснять гражданам их права, создавать условия, благоприятные для осуществления этих прав» [42, с. 127]. Данная позиция заслуживает особого внимания, поскольку Строгович одним из первых предложил комплексный подход к пониманию гарантий, включающий как нормативный, так и организационный компонент. Вместе с тем, следует отметить, что «данное определение было сформулировано в условиях советской правовой системы и требует переосмысления с учетом современных

конституционных стандартов защиты прав человека, международных обязательств Российской Федерации и практики Европейского суда по правам человека. Строгович также исследовал природу советского уголовно-процессуального права и его характерные черты, подчеркивая значение процессуальной формы как гарантии прав личности» [42, с. 16]. Эта идея получила дальнейшее развитие в современной процессуальной доктрине, однако остается дискуссионным вопрос о том, является ли процессуальная форма самодостаточной гарантией или же требует дополнения иными механизмами защиты прав участников процесса.

Н.Н. Полянский рассматривал процессуальные гарантии преимущественно через призму предупреждения необоснованного осуждения и наказания невиновных [26, с. 23]. Такой подход отражает узкое понимание назначения гарантий, ориентированное прежде всего на защиту обвиняемого от судебной ошибки. Данная концепция, безусловно, имеет право на существование, поскольку защита невиновного от осуждения является одной из важнейших задач уголовного судопроизводства, однако она не охватывает всего многообразия правоотношений, возникающих в судебном разбирательстве. Современное понимание гарантий должно включать защиту прав всех участников процесса, включая потерпевших, свидетелей, гражданских истцов и ответчиков, что не находит отражения в концепции Полянского. Кроме того, исследование Полянского было посвящено анализу французской правовой системы, что ограничивает возможности прямого переноса его выводов на российскую действительность.

С.А. Александров предложил иной подход, определяя «процессуальные гарантии как совокупность уголовно-процессуальных норм в единстве с деятельностью по претворению их в жизнь» [2, с. 53]. Данная позиция представляется более прогрессивной по сравнению с предыдущими концепциями, поскольку подчеркивает динамический характер гарантий и невозможность их сведения исключительно к нормативному закреплению. Действительно, эффективность гарантий зависит не только от качества

правовых норм, но и от их практической реализации должностными лицами и органами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Однако слабым местом данного подхода является отсутствие четкого разграничения между собственно гарантиями как правовыми средствами и процессом их применения, что может привести к смешению нормативного и фактического аспектов проблемы.

А.С. Кобликов рассматривал процессуальные гарантии в контексте деятельности судебной власти, подчеркивая роль суда в обеспечении прав участников процесса [16, с. 26]. Такой подход акцентирует внимание на институциональном аспекте гарантий и особой роли суда как независимого арбитра, призванного обеспечить справедливое разбирательство. Данная позиция соответствует современным представлениям о разделении властей и независимости судебной власти, закрепленным в Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, сосредоточение внимания исключительно на судебной власти не учитывает значение иных участников процесса, включая прокурора и защитника, которые также выполняют важные функции по обеспечению прав личности в судебном разбирательстве.

Современное понимание гарантий прав личности в судебном разбирательстве получило развитие в работах О.И. Андреевой, А.А. Рукавишниковой и П.О. Герцена, которые исследовали обеспечение прав умершего лица, пострадавшего от совершения преступления, уголовно-процессуальными средствами [3, с. 15]. Авторы отмечают особое значение обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства для достижения целей уголовного судопроизводства, что подчеркивает инструментальную роль гарантий в механизме правового регулирования. Данное исследование расширяет традиционное понимание круга лиц, права которых подлежат защите в уголовном процессе, включая в него лиц, которые не могут самостоятельно реализовать свои права в силу смерти.

Особого внимания заслуживает концепция Е.В. Качалова, который рассматривает ограничение прав участников уголовного судопроизводства

как часть системы их обеспечения [13, с. 66]. Данный подход представляется инновационным, поскольку преодолевает традиционное противопоставление обеспечения и ограничения прав, показывая, что установление четких оснований, условий и пределов ограничения прав само по себе является гарантией от произвольного ограничения. Качалов справедливо отмечает, что ограничения не имеют карательной направленности и применяются исключительно в обеспечительных целях [14, с. 73]. В качестве примеров автор приводит ограничение права на личную неприкосновенность при производстве личного обыска, предусмотренного статьей 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ограничение права на свободу путем избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в порядке статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса, а также ограничение права на непосредственное участие в судебном заседании в случае удаления подсудимого из зала суда согласно статье 258 Уголовно-процессуального кодекса. Автор подчеркивает, что для каждого из этих ограничений законом установлены цели, основания, порядок и пределы применения, что препятствует произвольному ограничению прав и обеспечивает их защиту от необоснованного вмешательства. Данная концепция получила развитие в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который в Определении от 29 января 2019 года № 29-О указал, что суд, принимая решение об удалении подсудимого из зала судебного заседания, обязан указать фактические обстоятельства допущенных подсудимым нарушений порядка и привести достаточные аргументы в обоснование вывода о необходимости удаления [25]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 19 декабря 2013 года № 41 также разъяснил порядок применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [29], что способствует единообразию судебной практики и защите прав личности от необоснованного ограничения.

О.В. Качалова отмечает значение принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу и иных мер пресечения [15, с. 39], подчеркивая необходимость соблюдения баланса между интересами правосудия и правами личности.

Проблема конфликта интересов прокурора и прав участников судебного разбирательства, исследованная И.С. Ртищевым, представляет особый интерес в контексте гарантий прав личности. Автор справедливо отмечает, что прокурор, представляя интересы государства, зачастую сталкивается с ситуациями, где его обязанности и действия могут вступать в противоречие с правами других участников процесса. Данная проблема приобретает особую остроту в судебном разбирательстве, где прокурор выступает в качестве государственного обвинителя и должен не только поддерживать обвинение, но и способствовать установлению истины и обеспечению прав всех участников процесса. Автор подчеркивает, что главная проблема состоит в том, что прокурор, хотя и обязан сохранять объективность и непредвзятость, может неосознанно проявлять предвзятость в пользу обвинения, особенно в контексте защиты общественных интересов, что создает потенциальные риски для всех сторон процесса [37, с. 37]. В качестве решения данной проблемы предлагается укрепление независимости прокуратуры, что поможет минимизировать воздействие внешних факторов на деятельность прокуроров, а также совершенствование системы обучения прокуроров, включая развитие навыков объективности и непредвзятости. Данный подход представляется обоснованным, однако следует отметить, что конфликт интересов прокурора является системной проблемой, которая не может быть решена исключительно через повышение квалификации или усиление независимости, поскольку требует концептуального переосмысления роли прокурора в состязательном процессе.

Анализ судебной практики показывает, что гарантии прав личности в судебном разбирательстве реализуются не только через нормативное регулирование, но и через правоприменительную деятельность судов.

Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 26 января 2017 года по делу № 22-141/2017 [4] демонстрирует подход судов к оценке законности ограничения права на личную неприкосновенность при производстве личного обыска, подчеркивая необходимость строгого соблюдения процессуальной формы и недопустимость производства личного обыска подозреваемого одного пола сотрудником полиции другого пола. Данное решение иллюстрирует тезис о том, что нарушение установленного порядка ограничения прав влечет признание недействительности процессуального действия и способствует восстановлению нарушенного права.

Система гарантий прав личности в судебном разбирательстве включает разнообразные элементы, которые в своей совокупности обеспечивают реальную возможность реализации прав участников процесса. К числу важнейших способов обеспечения прав относятся разъяснение прав властно уполномоченными участниками процесса, обеспечение участия защитника и представителей в уголовном деле, удовлетворение ходатайств, предоставление возможности давать показания, задавать вопросы другим участникам процесса, заявлять отводы, знакомиться с материалами дела, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, выступать в судебных прениях, заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия и решения суда. Каждый из этих способов представляет собой конкретное проявление общих принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, включая принципы состязательности сторон, обеспечения права на защиту, презумпции невиновности, свободы оценки доказательств.

Исследование теоретических концепций процессуальных гарантий демонстрирует эволюцию научной мысли от узкого понимания гарантий как средств предупреждения необоснованного осуждения до комплексного подхода, охватывающего права всех участников судопроизводства. Особенно важным представляется переход от статического нормативного понимания

гарантий к их динамической трактовке как единства правовых норм и практической деятельности по их реализации. Современное осмысление проблемы требует учета не только конституционных стандартов и национального законодательства, но и международных обязательств Российской Федерации. При этом концепция рассмотрения ограничений прав как элемента системы их обеспечения позволяет преодолеть формальное противопоставление защиты и ограничения, показывая, что четкая правовая регламентация оснований, условий и пределов вмешательства в права личности сама по себе служит гарантией от произвола.

Конфликт интересов прокурора, который одновременно должен поддерживать обвинение и способствовать установлению истины, создает системные риски для обеспечения прав всех участников процесса. Существующая модель участия прокурора в судебном разбирательстве не всегда позволяет достичь необходимого баланса между функцией обвинения и обязанностью соблюдать объективность. Кроме того, формальное закрепление процессуальных прав участников не гарантирует их эффективную реализацию, если суд не создает реальных условий для их осуществления или если участники процесса не осознают возможности использования предоставленных им правомочий.

Система обеспечения прав личности в судебном разбирательстве нуждается в совершенствовании через комплекс взаимосвязанных мер. Представляется целесообразным дополнить статью 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации положением, обязывающим прокурора в начале судебного заседания информировать суд обо всех известных ему обстоятельствах, смягчающих ответственность подсудимого или оправдывающих его, независимо от того, были ли эти обстоятельства включены в обвинительное заключение. Статью 258 Уголовно-процессуального кодекса следует изменить, установив императивное требование о возвращении удаленного подсудимого в зал судебного заседания для ознакомления с исследованными в его отсутствие доказательствами и

предоставления возможности дать по ним объяснения. Необходимо закрепить в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса обязанность суда при разъяснении прав участникам процесса удостоверяться в понимании ими содержания этих прав и возможностей их реализации, а не ограничиваться формальным оглашением перечня правомочий. В статью 271 Уголовно-процессуального кодекса целесообразно внести дополнение о том, что отклонение судом ходатайств участников процесса должно сопровождаться развернутой мотивировкой с указанием конкретных правовых оснований отказа и обстоятельств, препятствующих удовлетворению ходатайства.

Реализация предложенных изменений позволит преодолеть разрыв между декларативным закреплением прав и их фактическим осуществлением в судебном разбирательстве. Усиление требований к обоснованности процессуальных решений суда и расширение обязанностей прокурора по раскрытию оправдывающих и смягчающих обстоятельств будет способствовать установлению подлинной состязательности процесса и обеспечению баланса интересов всех его участников. Эффективность системы гарантий определяется не столько количеством закрепленных в законе прав, сколько наличием реальных механизмов их защиты и восстановления в случае нарушения, что требует не только законодательных изменений, но и формирования соответствующей правоприменительной практики, основанной на приоритете прав личности.

Глава 3 Проблемы и перспективы совершенствования механизмов охраны прав личности в уголовном процессе РФ

3.1 Основные нарушения прав личности в современной практике

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 6 закрепляет назначение уголовного судопроизводства, включающее защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [44]. Эта двуединая задача отражает сложную природу уголовного процесса, в котором государство должно одновременно обеспечивать защиту общества от преступных посягательств и предотвращать нарушение прав тех, кто оказывается вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства. Однако на практике достижение баланса между этими целями представляет собой значительную трудность, поскольку усиление одной стороны нередко происходит за счет ослабления другой.

Системный анализ действующего законодательства выявляет первую значительную проблему в недостаточной определенности правового статуса отдельных участников уголовного процесса. Статья 5 УПК РФ содержит обширный перечень определений основных понятий, используемых в кодексе, включая определения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты. Тем не менее правовое регулирование статуса некоторых категорий лиц остается фрагментарным. Особенно остро эта проблема проявляется в отношении свидетелей, которые, согласно части 1 статьи 56 УПК РФ, являются лицами, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному уголовному делу. Формальный характер определения и отсутствие четких критериев разграничения между свидетелем и потенциальным подозреваемым создают условия для злоупотреблений, когда лицо фактически подозревается в

совершении преступления, но допрашивается в качестве свидетеля без предоставления соответствующих процессуальных гарантий.

В качестве примера проанализируем апелляционное постановление Самарского областного суда № 22-1971/2025 [5]. Рассматривается уголовное дело в отношении ФИО1 (умершего в результате ДТП), обвиняемого по ч. 3 ст. 264 УК РФ в нарушении правил дорожного движения, повлекшем смерть пассажира ФИО9. Приговором Сызранского городского суда от 2024 года ФИО1 был признан виновным в том, что 13 декабря 2022 года при управлении автомобилем «Hyundai» на автодороге М-5 в нарушение пунктов 1.4, 1.5, 9.1 и 10.1 ПДД РФ выбрал скорость, не обеспечивавшую постоянный контроль над транспортным средством, создал аварийно-опасную ситуацию и допустил столкновение с грузовым автомобилем «Рено Хино» под управлением Свидетеля №1, двигавшимся во встречном направлении. В результате ДТП пассажир автомобиля «Hyundai» ФИО9 погиб. Суд первой инстанции назначил ФИО1 наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы с лишением права управления транспортными средствами на 2 года, однако в связи со смертью осужденного освободил его от наказания на основании п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

Представитель умершего осужденного ФИО19 (супруга), защитник-адвокат Кузнецова О.А. и законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего ФИО18 обжаловали приговор, настаивая на оправдании ФИО1 в связи с недоказанностью его вины. Суд апелляционной инстанции отменил приговор и прекратил уголовное дело на основании п. 4 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ в связи со смертью обвиняемого, установив, что суд первой инстанции существенно нарушил уголовно-процессуальный закон, постановив обвинительный приговор вместо прекращения дела, когда оснований для реабилитации умершего не было установлено.

Представленное судебное решение наглядно иллюстрирует фундаментальную проблему российского уголовного процесса, связанную с формальным подходом к определению процессуального статуса участников

производства по делам о дорожно-транспортных происшествиях. Водитель грузового автомобиля «Рено Хино» Свидетель № 1, являвшийся вторым непосредственным участником столкновения, на всех стадиях расследования и судебного разбирательства допрашивался исключительно в качестве свидетеля, несмотря на то, что объективно мог быть причастен к созданию аварийной обстановки. Как справедливо указывает сторона защиты в апелляционных жалобах, Свидетель № 1 являлся лицом, прямо заинтересованным в признании виновным другого водителя, и потенциально должен был рассматриваться следствием как лицо, подозреваемое в совершении преступления, наряду с ФИО1. Данная ситуация отражает системный дефект уголовно-процессуального регулирования: отсутствие четких законодательных критериев и правоприменительных стандартов, позволяющих разграничить случаи, когда участник ДТП должен допрашиваться в качестве свидетеля, от ситуаций, требующих признания его подозреваемым с предоставлением всего комплекса процессуальных гарантий, включая право на защиту, привилегию против самообличения и презумпцию невиновности.

Материалы дела демонстрируют, что органы следствия и суд первой инстанции безоговорочно приняли показания Свидетеля № 1 как достоверные, обосновывая это его незаинтересованностью в исходе дела и согласованностью с другими доказательствами, при этом полностью проигнорировав существенные противоречия в его показаниях и объективных данных. Сторона защиты обоснованно указывает на несоответствие утверждений Свидетеля № 1 о применении экстренного торможения перед столкновением с протоколом осмотра места происшествия и схемой ДТП, где следы торможения автомобиля «Рено Хино» отсутствуют. Показания Свидетеля № 1 о том, что тормозной след был затерт другими проезжавшими автомобилями, противоречат заключениям экспертов и специалистов, исключающих подобную возможность. Более того, анализ расположения следов на проезжей части (царапины «б», следа юза «5», осыпи стекла и

пластика) позволял сделать вывод о возможном изменении траектории движения грузового автомобиля перед столкновением, что ставило под сомнение версию о его исключительно прямолинейном движении по своей полосе. Фактически органы предварительного расследования с самого начала односторонне приняли версию Свидетеля № 1 как единственно возможную, не проверив альтернативные версии механизма ДТП и не исследовав вопрос о возможной причастности водителя грузовика к созданию аварийной ситуации путем выезда на встречную полосу движения или изменения траектории движения. Подобный подход не только создает условия для злоупотреблений и процессуальных нарушений, но и противоречит конституционным принципам справедливого судопроизводства, поскольку лицо, фактически подозреваемое в причастности к преступлению, допрашивается без предоставления права на защиту и права не свидетельствовать против себя, установленных ст. 51 Конституции РФ и ст. 47 УПК РФ.

Особую остроту проблема охраны прав личности приобретает на стадии предварительного расследования, которая характеризуется значительным дисбалансом процессуальных возможностей стороны обвинения и защиты. Статья 38 УПК РФ наделяет следователя широкими полномочиями по самостоятельному направлению хода расследования, принятию решений о производстве следственных и иных процессуальных действий. При этом статья 164 УПК РФ устанавливает общие правила производства следственных действий, предусматривая участие понятых, применение технических средств фиксации и другие процессуальные гарантии. Однако реальная эффективность этих гарантий существенно ограничена отсутствием действенных механизмов контроля за законностью действий следователя на ранних этапах расследования, когда процессуальное положение подозреваемого еще не определено формально, но фактически лицо уже находится под подозрением.

Институт задержания подозреваемого, урегулированный статьями 91 и 92 УПК РФ, демонстрирует системную проблему соотношения процессуальной формы и фактического содержания ограничений прав

личности. Статья 91 УПК РФ предусматривает основания задержания лица по подозрению в совершении преступления, включая случаи, когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление, когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления. Формулировка оснований носит оценочный характер, что предоставляет правоприменителю широкую дискрецию при принятии решения о задержании. Статья 92 УПК РФ регламентирует порядок задержания подозреваемого, устанавливая обязанность составления протокола задержания не позднее трех часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Вместе с тем практика свидетельствует о распространенности так называемого фактического задержания, когда лицо ограничивается в свободе передвижения до процессуального оформления задержания, что создает временной промежуток, в течение которого человек находится в правовом вакууме без соответствующих процессуальных гарантий.

Орловский областной суд рассмотрел апелляционную жалобу защитника на постановление Северного районного суда г. Орла от 29 июня 2023 г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении ФИО 1, обвиняемого в совершении грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) - открытого хищения мобильного телефона с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, с причинением значительного ущерба потерпевшему [6]. Анализируемое судебное постановление наглядно демонстрирует проблему расхождения между моментом фактического задержания лица и его процессуальным оформлением. ФИО 1 был фактически лишен свободы передвижения 27 июня 2023 г. в 23:20, однако суд первой инстанции при определении срока содержания под стражей (до 30 июля 2023 г.) допустил ошибку в исчислении, которая была исправлена апелляционной инстанцией с указанием корректной даты - 29 июля 2023 г. Данная ситуация отражает распространенную в правоприменительной

практике проблему, когда между фактическим ограничением свободы передвижения и составлением протокола задержания образуется временной промежуток, в течение которого лицо находится в правовом вакууме. В этот период задержанный фактически лишен процессуальных гарантий, предусмотренных ст. 91-92 УПК РФ, включая право на защиту, уведомление близких и получение медицинской помощи, что создает риски нарушения конституционных прав человека на свободу и личную неприкосновенность.

Суд апелляционной инстанции, основываясь на разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и положениях ч. 10 ст. 109 УПК РФ, правомерно указал на необходимость исчисления срока содержания под стражей именно с момента фактического задержания, подчеркнув важность зачета всего времени, в течение которого лицо было ограничено в свободе передвижения. Однако системный анализ материалов дела позволяет констатировать, что в промежутке между 23:20 часами 27 июня (момент фактического задержания) и процессуальным оформлением задержания могли возникнуть ситуации, когда обвиняемый находился без надлежащего правового статуса. Эта проблема носит системный характер и требует законодательного урегулирования механизма фиксации точного времени фактического лишения свободы передвижения, а также установления императивных сроков для немедленного процессуального оформления задержания с целью минимизации периода правовой неопределенности и обеспечения реализации всего комплекса процессуальных гарантий с момента фактического ограничения свободы лица.

Конституция РФ в части 2 статьи 22 устанавливает, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Данная конституционная норма нашла отражение в части 1 статьи 10 УПК РФ, которая закрепляет неприкосновенность личности и устанавливает, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под

стражу при отсутствии на то законных оснований. Часть 2 той же статьи конкретизирует, что до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Новошахтинский районный суд Ростовской области рассмотрел уголовное дело в отношении двух сотрудников полиции: начальника ОМВД России по Родионово-Несветайскому району ФИО1 (подполковник полиции) и его подчиненного - старшего оперуполномоченного группы экономической безопасности и противодействия коррупции ФИО3 (старший лейтенант полиции) [33]. ФИО1 обвинялся в получении взятки через посредника в крупном размере с вымогательством (п. п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ), а ФИО3 — в посредничестве во взяточничестве с использованием служебного положения (п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ). Согласно материалам дела, в период с мая по июль 2018 года ФИО1, используя свое служебное положение и обладая информацией о проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении агронома сельхозпредприятия ФИО12 № 1, потребовал от последнего через посредника ФИО3 передать взятку в размере 500000 рублей (впоследствии сумма была снижена до 250000 рублей). Вымогательство сопровождалось угрозами необоснованного возбуждения уголовного дела и привлечения к ответственности. Взятка предназначалась за незаконное бездействие - непривлечение ФИО12 №1 к уголовной ответственности в случае совершения им хищений имущества на предприятии. 23 июля 2018 года ФИО12 №1 обратился в УФСБ России по Ростовской области с заявлением о вымогательстве, предоставив аудиозаписи разговоров с обвиняемыми. 24 июля 2018 года в рамках оперативного эксперимента ФИО3 получил от заявителя имитацию денежных средств (одну подлинную купюру номиналом 5000 рублей и 49 муляжей) и передал их ФИО1 по месту жительства последнего, где оба были задержаны с поличным. Суд признал обоих подсудимых виновными: ФИО1 приговорен к 7 годам лишения свободы в колонии строгого режима со штрафом 1500000 рублей, лишением права занимать должности в правоохранительных органах на 3 года и лишением

специального звания; ФИОЗ, признавший вину и активно способствовавший расследованию, получил наказание в виде штрафа 1000000 рублей с лишением права занимать аналогичные должности на 3 года и лишением специального звания.

Анализ данного судебного решения выявляет существенные процессуальные аспекты, связанные с исчислением сроков задержания подозреваемых и обеспечением их конституционных прав. Согласно материалам дела, ФИО1 был задержан 24 июля 2018 года поздним вечером (около 22:00), однако протокол задержания был составлен 25 июля 2018 года в 04:00, а уголовное дело возбуждено в тот же день. При этом подсудимый указывал в протоколе задержания на необходимость обеспечения адвокатом, однако его допрос в качестве подозреваемого состоялся без защитника, что формально могло нарушать требования п. 2 ч. 3 ст.49 УПК РФ о праве защитника участвовать в уголовном деле с момента возбуждения. Суд отклонил доводы защиты о нарушении права на защиту, указав, что протокол задержания составлен в соответствии с требованиями закона, однако временной промежуток между фактическим задержанием и процессуальным оформлением (около 6 часов) остается неучтенным при исчислении 48-часового срока, предусмотренного ст. 10 УПК РФ. Это создает ситуацию неопределенности: с какого момента следует отсчитывать конституционный срок задержания - с момента фактического ограничения свободы или с момента составления протокола.

Данная проблема усугубляется отсутствием в российском законодательстве четких механизмов продления срока задержания при возникновении объективных препятствий для своевременного судебного рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения. В рассматриваемом деле задержание произошло в ночное время в отдаленном населенном пункте (слобода Родионово-Несветайская), что объективно затрудняло немедленное процессуальное оформление и доставку задержанного в следственные органы. Кроме того, следователь ФИО12 № 12 приступил к оформлению документов

около 2:00 ночи, что также указывает на временные затруднения. Однако УПК РФ не предусматривает возможности учета таких обстоятельств при исчислении срока задержания, что может приводить к формальным нарушениям конституционных прав задержанных лиц. Практика ЕСПЧ (например, дело «Brogan and Others v. United Kingdom», 1988) подчеркивает, что любое задержание должно быть немедленно процессуально оформлено, а срок содержания под стражей до судебной проверки должен быть разумным и не может превышать нескольких дней даже в исключительных обстоятельствах. В данном случае суд не выявил нарушений, однако системный анализ показывает, что существующий механизм исчисления сроков задержания требует законодательного уточнения для исключения правовой неопределенности и обеспечения баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность.

Существенной проблемой является качество предоставляемой защиты, особенно в случаях участия защитников по назначению. Часть 2 статьи 50 УПК РФ устанавливает случаи обязательного участия защитника, включая ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника, подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним, подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту, подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу, лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь, уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40 настоящего Кодекса. В этих случаях при отсутствии защитника, выбранного подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем, а также иными лицами по поручению или с согласия

подозреваемого или обвиняемого, дознаватель, следователь или суд обеспечивает участие защитника в уголовном судопроизводстве. Однако назначенные защитники нередко проявляют формальный подход к исполнению своих обязанностей, ограничиваясь присутствием при производстве процессуальных действий без активной защиты интересов доверителя.

Заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения регулируется статьей 108 УПК РФ, которая устанавливает, что данная мера применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из обстоятельств, предусмотренных частью 1 статьи 108, а именно: если подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения, он скрылся от органов предварительного расследования или от суда. Часть 2 статьи 108 УПК РФ предусматривает срок содержания под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца, однако этот срок может быть продлен в порядке, установленном статьей 109 УПК РФ 44м. Статья 109 УПК РФ допускает продление срока содержания под стражей до шести месяцев, а в исключительных случаях до двенадцати, восемнадцати месяцев, а по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в исключительных случаях может быть продлен до тридцати месяцев. Такая система продления сроков содержания под стражей создает условия для длительного лишения свободы лица, в отношении которого еще не вынесен

обвинительный приговор, что противоречит презумпции невиновности, закрепленной в статье 49 Конституции РФ.

Презумпция невиновности, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, воспроизведена в статье 14 УПК РФ [44]. Данная статья также устанавливает, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном кодексом, толкуются в пользу обвиняемого, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Несмотря на четкую законодательную регламентацию, на практике презумпция невиновности нередко игнорируется, что проявляется в обвинительном уклоне судопроизводства, когда суд воспринимает поступившее в суд уголовное дело как доказательство виновности подсудимого, а процесс судебного разбирательства превращается в формальное подтверждение выводов предварительного расследования.

Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 27 марта 2025 года касается продления срока содержания под стражей обвиняемых ФИО1 и ФИО2, занимавших высокопоставленные должности в МУПВ «ВПЭС» [7]. Обвиняемым инкриминируются преступления коррупционной направленности по ч. 1 ст. 286 и п. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (превышение должностных полномочий и получение взятки в особо крупном размере), относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, с максимальным наказанием до 12 лет лишения свободы. Фрунзенский районный суд продлил срок содержания под стражей на 2 месяца (всего до 9 месяцев 27 суток), что было обжаловано защитой. Адвокат Тен В.А. настаивал на изменении меры пресечения на домашний арест или запрет определенных действий, указывая

на наличие у обвиняемых постоянного места жительства, малолетних детей, отсутствие судимости, положительные характеристики и невозможность оказания давления на свидетелей после увольнения из ВПЭС. Апелляционная инстанция оставила решение без изменения, сославшись на особую сложность дела (соединение шести уголовных дел), тяжесть обвинения, наличие обширных связей обвиняемых в среде должностных лиц и сохраняющуюся возможность воспрепятствования правосудию.

Рассматриваемое судебное постановление демонстрирует типичные проявления обвинительного уклона в российском уголовном судопроизводстве, когда презумпция невиновности фактически нивелируется на стадии предварительного расследования. Суд апелляционной инстанции отклонил довод защиты о нарушении презумпции невиновности формулировкой о «декларативном характере» и «неверной интерпретации», однако при этом обосновал продление содержания под стражей ссылками на «возможность воспрепятствования правосудию», «продолжение преступной деятельности» и «давление на свидетелей» без представления конкретных доказательств реальной угрозы таких действий. Фактически суд исходил из презумпции виновности, опираясь исключительно на тяжесть обвинения, служебное положение обвиняемых в прошлом и предположительный характер их возможного поведения. Характерно, что суд отклонил аргументы о невозможности обвиняемых оказывать влияние на свидетелей после 1,5 лет отсутствия работы в ВПЭС, сославшись на «обширный круг связей», существование которого не было подтверждено материалами дела.

Показательным является подход суда к оценке социальных связей обвиняемых: наличие малолетних детей, больных родственников, постоянного места жительства и положительных характеристик было признано судом «не препятствующим совершению действий, указанных в статье 97 УПК РФ». Такая логика переворачивает презумпцию невиновности, возлагая на обвиняемого бремя доказывания невозможности совершения гипотетических противоправных действий, тогда как по закону именно

обвинение должно доказывать наличие реальных оснований для применения меры пресечения. Суд также уклонился от содержательного анализа доводов защиты о том, что обвиняемые оспаривают свою причастность к преступлениям, указав, что это «не может быть предметом судебного разбирательства при решении вопроса о мере пресечения», что противоречит правовой позиции о необходимости учета всех обстоятельств дела. В результате судебное решение превратилось в формальное подтверждение выводов следствия о необходимости изоляции обвиняемых, где сама постановка обвинения фактически презюмирует виновность и обосновывает длительное содержание под стражей до вынесения приговора, что является проявлением системного обвинительного уклона отечественного правосудия.

Право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией, включает требования независимости и беспристрастности суда, публичности судебного разбирательства, разумного срока рассмотрения дела и состязательности процесса. Статья 15 УПК РФ закрепляет принцип состязательности сторон, согласно которому уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Однако реализация принципа состязательности затруднена сохраняющимся процессуальным неравенством сторон, особенно на стадии предварительного расследования, где следователь обладает значительно большими возможностями по собиранию доказательств по сравнению со стороной защиты.

Проблема допустимости доказательств, полученных с нарушением закона, регулируется статьей 75 УПК РФ, которая устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением требований кодекса, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ. Несмотря на существование данной нормы, практика показывает недостаточную эффективность механизма исключения недопустимых доказательств, что связано с формальным подходом судов к оценке доводов стороны защиты о нарушениях, допущенных при собирании доказательств.

Апелляционное постановление Самарского областного суда № 22-495/2025 касается уголовного дела в отношении ФИО1, осужденного по ч. 3 ст. 264 УК РФ за нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью двум лицам и смерть одного человека [8]. Обстоятельства дела свидетельствуют о том, что водитель, управляя технически неисправным автомобилем «<данные изъяты>» в условиях недостаточной видимости, при возникновении опасности в виде пешехода на проезжей части совершил маневр перестроения влево, выехав на полосу встречного движения, что привело к столкновению с автомобилем «<данные изъяты>» под управлением ФИО12. В результате ДТП водитель встречного транспортного средства скончался на месте происшествия, а двум пассажирам был причинен тяжкий вред здоровью. Суд первой инстанции назначил осужденному наказание в виде двух лет принудительных работ с лишением права управления транспортными средствами на два года, а также частично удовлетворил гражданские иски потерпевших о компенсации морального вреда на общую сумму 1700000 рублей.

Рассмотренное дело наглядно демонстрирует системную проблему формального подхода судебных органов к оценке доводов стороны защиты о процессуальных нарушениях при собирании доказательств. Защитник

последовательно указывал на существенные дефекты протокола осмотра места происшествия от соответствующей даты: отсутствие подписей следователя и понятых на схеме ДТП, составление приложений неуполномоченным лицом (сотрудником ДПС), противоречия в определении места столкновения транспортных средств. Апелляционная инстанция, отклоняя эти доводы, ограничилась констатацией того, что «участие следователя в данном следственном действии под сомнение не ставилось», а «отсутствие подписи кого-либо из участвующих в следственном действии лиц не свидетельствует о существенном нарушении требований ст. 164, ст. 166 УПК РФ». Подобная аргументация свидетельствует о преимущественно формальной проверке соблюдения процессуальных требований без должного анализа того, каким образом выявленные нарушения могли повлиять на достоверность и полноту зафиксированных доказательств, что входит в противоречие с презумпцией невиновности и принципом состязательности сторон.

Особую озабоченность вызывает подход суда к оценке заключения специалиста ФИО13, представленного стороной защиты. Апелляционная инстанция справедливо признала данное заключение недопустимым доказательством, указав на то, что специалист фактически провел исследование и сформулировал выводы, характерные для экспертного заключения, без соблюдения процедурных гарантий, предусмотренных для производства экспертизы. Однако при этом суд не применил аналогичный критерий строгости к оценке процессуальных дефектов доказательств стороны обвинения, что создает асимметрию в стандартах доказывания и подтверждает тезис о недостаточной эффективности механизма исключения недопустимых доказательств. Отказ в удовлетворении ходатайства о проведении дополнительной автотехнической экспертизы для установления положения автомобилей в момент первичного контакта при столкновении, при наличии объективных сомнений в полноте первоначального экспертного исследования, также свидетельствует о преобладании обвинительного уклона

над требованием всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, что в конечном итоге ставит под сомнение соблюдение стандартов справедливого судебного разбирательства.

Право на использование родного языка в уголовном судопроизводстве, закрепленное в статье 18 УПК РФ, предусматривает, что уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках, входящих в Российскую Федерацию республик. Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном кодексом. Статья 59 УПК РФ регламентирует участие переводчика, определяя его как лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Переводчик назначается дознавателем, следователем, прокурором или судом и не может участвовать в производстве по уголовному делу при наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 61 УПК РФ. На практике обеспечение квалифицированного перевода сталкивается с серьезными трудностями, связанными с недостатком переводчиков, владеющих редкими языками, отсутствием единых стандартов оценки качества перевода и низким уровнем оплаты труда переводчиков, что снижает привлекательность данного вида деятельности для квалифицированных специалистов.

Существенные проблемы возникают при обеспечении прав личности в рамках особых производств, предусмотренных разделом X УПК РФ. Глава 40 УПК РФ регламентирует особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Данная процедура, направленная на ускорение судопроизводства, на практике создает риски для

прав обвиняемых, которые под давлением различных обстоятельств могут согласиться с обвинением, не будучи действительно виновными в совершении преступления. Статья 315 УПК РФ предусматривает, что при рассмотрении ходатайств судья должен удостовериться, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства, что ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником. Однако механизмы проверки добровольности согласия обвиняемого с предъявленным обвинением остаются недостаточно эффективными, что подтверждается практикой Европейского Суда по правам человека, который неоднократно указывал на нарушения права на справедливое судебное разбирательство при применении упрощенных процедур.

Апелляционное постановление № 10-7/2025 от 20 марта 2025 года содержит решение об отмене приговора мирового судьи в отношении ФИО2, осужденного по части 1 статьи 117 УК РФ (истязание) к наказанию в виде ограничения свободы сроком на один год [31]. Ключевым обстоятельством дела стало наличие у ФИО2 психического расстройства, подтвержденного медицинскими документами. Согласно справке медицинского учреждения и заключению судебно-психиатрической экспертизы, подсудимый состоит под наблюдением с диагнозом психического расстройства, что обуславливает его статус инвалида. Экспертное заключение констатировало наличие у ФИО2 психического расстройства с нарушениями поведения, которое, хотя и не лишало его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий при совершении преступления, создавало необходимость обязательного участия защитника в силу ограничения способности самостоятельно осуществлять право на защиту.

Камышловский районный суд признал обоснованными доводы апелляционного представления и отменил приговор на основании пункта 2 статьи 389.15 и части 1 статьи 389.17 УПК РФ в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Суд апелляционной инстанции установил, что при наличии объективных данных о психических

особенностях подсудимого мировой судья не в должной мере выяснил, понимал ли ФИО2 суть рассмотрения дела в особом порядке без исследования всех доказательств. Критическим недостатком судебного разбирательства стало то, что суд первой инстанции фактически не разъяснял подсудимому порядок и последствия рассмотрения дела в особом порядке, что было установлено в том числе путем прослушивания аудиопотокола судебного заседания. При этом имеющиеся медицинские данные о психическом расстройстве ФИО2 вызвали обоснованные сомнения в его возможности понимать процессуальную сторону происходящего, что делало применение особого порядка преждевременным без дополнительной тщательной проверки.

Рассматриваемое постановление наглядно демонстрирует критическую проблему российского уголовного процесса, связанную с недостаточностью механизмов проверки добровольности и осознанности согласия обвиняемого на применение особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ. Статья 315 УПК РФ формально устанавливает обязанность суда удостовериться в том, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства, что ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником. Однако, как показывает анализируемое дело, законодательная конструкция не содержит конкретных процессуальных требований к процедуре такого удостоверения, что приводит к формализму и поверхностной проверке указанных условий судами первой инстанции.

Особую остроту эта проблема приобретает в случаях, когда обвиняемый обладает психическими особенностями, интеллектуальными ограничениями или иными характеристиками, способными повлиять на его способность в полной мере осознавать правовые последствия отказа от судебного разбирательства в общем порядке. В анализируемом деле суд апелляционной инстанции справедливо отметил, что наличие у подсудимого документально подтвержденного психического расстройства, которое, согласно экспертному

заклучению, ограничивает его способность самостоятельно осуществлять право на защиту, должно было стать сигналом для суда первой инстанции о необходимости особо тщательной проверки всех условий применения особого порядка. Вместо этого суд ограничился формальной констатацией наличия ходатайства обвиняемого и согласия защитника, не проведя детального разъяснения подсудимому всех аспектов упрощенной процедуры и не убедившись в его действительном понимании отказа от права на полноценное судебное разбирательство с исследованием всех доказательств.

Анализируемое постановление демонстрирует правильный подход суда апелляционной инстанции, который не ограничился формальной констатацией наличия защитника и письменного ходатайства, но провел критическую оценку качества проверки судом первой инстанции условий применения особого порядка с учетом конкретных обстоятельств дела и личности подсудимого. Суд апелляционной инстанции справедливо указал, что постановление приговора в особом порядке при наличии сведений о психических особенностях подсудимого, ставящих под сомнение его возможность понимать процессуальные особенности рассмотрения дела в особом порядке, и неразъяснение судом подсудимому порядка рассмотрения дела и его последствий представляет собой существенное нарушение уголовно-процессуального закона, которое повлияло на законность и обоснованность приговора и не может быть устранено в суде апелляционной инстанции.

Решение об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение с изменением территориальной подсудности следует признать обоснованным и соответствующим задачам уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов участников процесса. Суд апелляционной инстанции правомерно указал, что при новом рассмотрении суду первой инстанции необходимо решить вопрос о возможности рассмотрения дела в особом порядке с учетом психических особенностей подсудимого, а при отсутствии соблюдения условий для применения упрощенной процедуры

рассмотреть уголовное дело в общем порядке с полным исследованием всех доказательств. Такой подход позволяет обеспечить действительную реализацию права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство и предотвратить возможные судебные ошибки, которые могли бы возникнуть в результате формального применения процедуры особого порядка к лицу с ограниченной способностью полноценно осуществлять свое право на защиту.

Глава 40.1 УПК РФ устанавливает особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусматривая возможность смягчения наказания лицу, которое активно способствовало раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления [44]. Данный институт, заимствованный из англо-американской правовой системы, вызывает серьезные опасения с точки зрения обеспечения прав личности, поскольку создает условия для оказания давления на обвиняемых с целью получения показаний против других лиц, что может привести к оговору невиновных и нарушению принципа справедливости судопроизводства.

Проведенный анализ нормативно-правового регулирования и практики применения норм, направленных на охрану прав личности в уголовном процессе Российской Федерации, позволяет выделить ряд системных проблем, препятствующих эффективной защите прав участников уголовного судопроизводства. К числу таких проблем относятся несовершенство законодательной регламентации процессуального статуса отдельных участников процесса, недостаточная эффективность процессуальных гарантий на стадии предварительного расследования, процессуальное неравенство сторон обвинения и защиты, сохраняющийся обвинительный уклон в судопроизводстве, формализм при реализации права на судебную защиту и обжалование действий и решений должностных лиц, недостаточная эффективность института реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, проблемы обеспечения безопасности

участников уголовного судопроизводства, риски нарушения прав личности при применении особых порядков судебного разбирательства, ограниченная эффективность механизмов пересмотра судебных решений, недостаточная имплементация международных стандартов защиты прав человека в национальную правоприменительную практику.

3.2 Направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства

Одной из коренных проблем, препятствующих надлежащей охране прав личности в уголовном процессе, является недостаточная определенность и четкость законодательного регулирования процессуального статуса отдельных категорий участников судопроизводства. В частности, статья 56 Уголовно-процессуального кодекса определяет свидетеля лишь формально, как лицо, которому могут быть известны обстоятельства, подлежащие установлению по делу, без установления четких критериев разграничения между свидетелем и лицом, которое фактически подозревается в совершении преступления. Такая формализация создает условия для практического злоупотребления процессуальным статусом, когда органы предварительного расследования привлекают к участию в деле в качестве свидетеля лиц, в отношении которых имеются объективные основания подозревать причастность к преступлению.

Судебная практика демонстрирует, что в делах о дорожно-транспортных происшествиях участники столкновения, участие которых в создании аварийной ситуации не исключается, допрашиваются на всех стадиях расследования исключительно в качестве свидетелей, хотя объективные данные свидетельствуют о их потенциальной причастности. При этом органы следствия безоговорочно принимают их показания как достоверные, игнорируя существенные противоречия между их показаниями и доказательственной базой. Такой подход противоречит конституционным

принципам справедливого судопроизводства и создает возможность для проведения недостаточно объективного расследования.

Совершенствование данной ситуации требует внесения соответствующих уточнений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на установление четких процессуальных критериев разграничения между свидетелем и подозреваемым. Целесообразно дополнить статью 56 УПК РФ положением, устанавливающим, что лицо, участвующее в ситуации, в которой возможна его причастность к преступлению, или лицо, в отношении которого в ходе расследования выявлены указания на причастность к преступлению, должно быть уведомлено о подозрении и надлено соответствующим процессуальным статусом. При этом органы предварительного расследования должны быть обязаны провести анализ объективных данных и обоснованно определить, имеются ли достаточные основания для привлечения лица в качестве подозреваемого, с предоставлением ему всего комплекса процессуальных гарантий, включая право на защиту, право на пользование помощью адвоката и презумпцию невиновности.

Кроме того, необходимо установить процессуальные требования к фиксации показаний лиц, которые могут быть связаны с преступлением. Органы следствия должны быть обязаны при допросе таких лиц применять видеозапись и звукозапись, а также составлять подробный протокол допроса с указанием всех вопросов и ответов. Это позволит обеспечить объективность и полноту фиксации информации, а также будет способствовать защите как интересов расследования, так и прав участников процесса от возможных манипуляций и искажения показаний.

Практика применения норм об уголовном задержании выявляет существенное расхождение между моментом фактического ограничения свободы передвижения лица и моментом процессуального оформления этого задержания. Конституция Российской Федерации в своей второй части статьи 22 устанавливает, что лицо не может быть задержано на срок более 48

часов до судебного решения об избрании меры пресечения [17]. Однако уголовно-процессуальное законодательство не содержит четких положений относительно того, с какого момента следует начинать отсчет этого конституционного срока—с момента фактического лишения свободы передвижения или с момента составления протокола задержания.

Судебная практика свидетельствует о распространенности так называемого фактического задержания, когда лицо фактически ограничивается в свободе передвижения, однако процессуальное оформление этого задержания откладывается на несколько часов. В этот временной промежуток задержанный находится в правовом вакууме, лишенный процессуальных гарантий, предусмотренных статьями 91 и 92 УПК РФ, включая право на защиту, уведомление близких, получение медицинской помощи и прочие гарантии, обеспеченные законом [44]. Такая ситуация создает риск нарушения конституционных прав человека на свободу и личную неприкосновенность, а также может быть использована органами расследования для оказания давления на задержанного и получения показаний без надлежащих процессуальных гарантий.

Решение данной проблемы требует внесения ясных положений в уголовно-процессуальное законодательство, в частности в статью 92 УПК РФ, устанавливающих, что отсчет конституционного 48-часового срока задержания начинается с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, независимо от момента составления протокола задержания. При этом необходимо установить императивный срок для составления протокола задержания, не превышающий одного часа с момента доставления лица в орган дознания или к следователю. Органы предварительного расследования должны быть обязаны немедленно уведомить задержанного о его правах и предоставить ему возможность пользоваться помощью адвоката, даже если протокол задержания еще не составлен.

Кроме того, целесообразно установить дополнительные гарантии путем введения обязательной видео- и звукозаписи момента задержания и доставления лица в органы расследования. Это позволит объективно зафиксировать точное время ограничения свободы, создать недопустимость манипуляций с временем задержания, обеспечить прозрачность действий правоохранительных органов и защитить как интересы расследования, так и права задержанного лица. При возникновении объективных препятствий для немедленного процессуального оформления задержания (например, территориальная удаленность органов расследования, задержание в ночное время) следует предусмотреть возможность получения судебного разрешения на продление временного промежутка до составления протокола, однако такое разрешение должно быть исключением, а не правилом, и должно быть обоснованным и пропорциональным.

Статьи 108 и 109 УПК РФ предусматривают возможность продления сроков содержания под стражей до 30 месяцев, что противоречит презумпции невиновности, согласно которой человек считается невиновным до вступления приговора в законную силу. На практике длительное содержание под стражей в ожидании судебного разбирательства применяется в случаях, когда обоснованность такого содержания сомнительна и может быть использована как средство давления на обвиняемого.

Апелляционная практика демонстрирует, что суды, рассматривая ходатайства об избрании или изменении меры пресечения, нередко исходят из презумпции виновности, а не из презумпции невиновности. Суды ограничиваются ссылками на тяжесть обвинения и служебное положение лица, не требуя от стороны обвинения представления конкретных и доказанных оснований для опасности, предусмотренной статьей 97 УПК РФ, таких как опасность скрывания с целью избежать ответственности, совершения новых преступлений или воспрепятствования правосудию [44].

Совершенствование механизма применения меры пресечения требует внесения существенных изменений в систему судебного контроля. Во-первых,

необходимо закрепить в законодательстве четкие требования к содержанию судебного решения об избрании или продлении содержания под стражей, предусматривающие обязательное указание конкретных, существенных и доказанных оснований для опасности, о которых идет речь в статье 97 УПК РФ. Суд должен быть обязан провести содержательный анализ представленных доказательств и обоснованно установить, что альтернативные меры пресечения неприменимы.

Во-вторых, следует установить процессуальные гарантии, направленные на противодействие обвинительному уклону при рассмотрении вопроса о мере пресечения. Статью 108 УПК РФ целесообразно дополнить положением, согласно которому суд при наличии доводов защиты о возможности применения менее строгой меры пресечения должен обязательно рассмотреть эти доводы и дать на них аргументированный ответ в постановлении суда. Суд должен быть обязан учитывать все обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, включая наличие постоянного места жительства, семьи, трудовую занятость, отсутствие судимости, положительные характеристики.

Право на защиту, гарантированное статьей 48 Конституции Российской Федерации, остается декларативным в ряде ситуаций, когда фактическое ограничение прав лица происходит до формального возникновения процессуального статуса подозреваемого. Совершенствование механизмов обеспечения права на защиту требует предварительного уточнения момента возникновения необходимости предоставления адвоката. Статью 49 УПК РФ целесообразно дополнить положением, согласно которому защитник должен быть допущен к участию в уголовном деле с момента, когда лицо фактически подвергается мерам процессуального принуждения или когда имеются обоснованные сведения о том, что оно может быть привлечено в качестве подозреваемого. Органы предварительного расследования должны быть обязаны предоставить возможность пользоваться помощью адвоката лицам,

привлекаемым к допросу, если имеются указания на их потенциальную причастность к преступлению [14, с. 74].

Качество оказываемой защиты является второй существенной проблемой. Назначенные защитники нередко проявляют формальный подход к исполнению своих обязанностей, ограничиваясь присутствием при производстве процессуальных действий без активной защиты интересов доверителя. Для решения этой проблемы целесообразно установить четкие стандарты деятельности защитника, включая обязанность проведения активной защиты, использования всех средств и способов защиты, предусмотренных кодексом, и предоставления квалифицированной консультации по правам подозреваемого.

Кроме того, необходимо установить механизмы контроля качества оказываемой защиты. Суд при рассмотрении уголовного дела должен быть обязан проверить, были ли соблюдены права защитника на участие в деле, была ли оказана квалифицированная помощь, были ли соблюдены права подозреваемого при проведении процессуальных действий. При выявлении фактов неадекватной защиты, органы судебной власти должны иметь возможность признать имевшие место нарушения существенными и требующими пересмотра решения на более высоких судебных инстанциях.

Судебный контроль за законностью действий органов предварительного расследования регулируется главой 16 УПК РФ, однако практика применения этих норм свидетельствует о недостаточной эффективности механизмов проверки законности. Суды нередко отклоняют жалобы на действия следователя и дознавателя, ограничиваясь формальной констатацией соблюдения процессуальных процедур без анализа того, каким образом выявленные нарушения повлияли на достоверность и полноту полученных доказательств [14, с. 74].

Совершенствование судебного контроля требует установления более строгих стандартов судебной проверки. Статью 125 УПК РФ целесообразно дополнить положением, согласно которому суд при рассмотрении жалоб на

действия органов предварительного расследования должен провести содержательный анализ обоснованности оспариваемых действий и проверить соответствие их уголовно-процессуальному закону. Суд должен быть обязан исследовать как формальные аспекты соблюдения процедурных требований, так и содержательные аспекты, связанные с влиянием выявленных нарушений на достоверность доказательств и соблюдение прав личности.

При выявлении нарушений законности суд должен быть обязан не только отменить незаконные действия, но и установить возможность использования полученных в результате таких действий доказательств. Согласно международной практике, доказательства, полученные с нарушением процессуальных требований и нарушающие фундаментальные права человека, должны быть исключены из дела, даже если они имеют значение для установления истины по делу.

Кроме того, целесообразно установить процедуру ускоренного рассмотрения жалоб на действия органов расследования, направленные на защиту фундаментальных прав, таких как право на свободу передвижения, право на защиту, право на неприкосновенность жилища. Суд должен быть обязан рассмотреть такие жалобы в течение трех дней с момента их поступления.

Анализ судебной практики свидетельствует о сохраняющемся обвинительном уклоне в российском уголовном судопроизводстве, проявляющемся в том, что суд воспринимает поступившее в суд уголовное дело как доказательство виновности подсудимого, а процесс судебного разбирательства превращается в формальное подтверждение выводов предварительного расследования.

Презумпция невиновности нередко игнорируется, особенно при рассмотрении вопросов о мере пресечения и в процессе судебного разбирательства.

Совершенствование механизмов противодействия обвинительному уклону требует укрепления принципа состязательности и равноправия сторон.

Статью 15 УПК РФ целесообразно дополнить положениями, четко определяющими роль суда как независимого арбитра в споре между сторонами обвинения и защиты, а не органа, предварительно склоняющегося в сторону обвинения. Суд должен быть обязан активно способствовать обеспечению равных возможностей для сторон при представлении доказательств и аргументов.

Кроме того, необходимо установить требования к судебным решениям, которые должны содержать анализ всех доводов и возражений, представленных стороной защиты, и аргументированные ответы на них. Суд не может ограничиваться формальным отклонением доводов защиты без анализа их обоснованности и содержания.

Главы 40 и 40.1 УПК РФ, регулирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, на практике создают риск для прав обвиняемых и могут привести к признанию виновности невиновными лицами под давлением обстоятельств [44]. Статья 315 УПК РФ формально устанавливает обязанность суда удостовериться в том, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства и что ходатайство было заявлено добровольно, однако практика свидетельствует о поверхностной проверке этих условий судами первой инстанции.

Совершенствование механизма проверки добровольности и осознанности согласия обвиняемого на применение особого порядка судебного разбирательства требует установления более конкретных и обязательных процедур. Статью 315 УПК РФ целесообразно дополнить положениями, устанавливающими, что суд должен провести беседу с обвиняемым в присутствии защитника, разъяснить все последствия рассмотрения дела в особом порядке и убедиться в том, что обвиняемый действительно понимает суть происходящего. При наличии данных о физических, психических или интеллектуальных особенностях обвиняемого,

которые могут влиять на его способность понимать процессуальные тонкости, суд должен провести особо тщательную проверку.

Кроме того, необходимо установить требование к обязательному приложению к делу записи беседы судьи с обвиняемым, которая будет служить объективным доказательством того, что суд надлежащим образом проверил условия применения особого порядка. При возникновении споров в апелляционном производстве суд апелляционной инстанции должен иметь возможность проверить, действительно ли был проведен надлежащий анализ условий применения особого порядка.

В отношении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо установить более строгие гарантии, направленные на защиту прав сотрудничающего обвиняемого и предотвращение ложного обвинения других лиц.

Статью 317.5 УПК РФ следует дополнить положениями, устанавливающими, что при наличии оснований для сомнения в достоверности показаний сотрудничающего обвиняемого суд должен провести проверку их соответствия другим доказательствам и назначить дополнительные процессуальные действия для установления истины [44]. Суд не должен основывать обвинительный приговор исключительно на показаниях лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, без независимой проверки этих показаний.

Апелляционное, кассационное и надзорное производство призваны обеспечивать право на судебную защиту через систему обжалования судебных решений, однако эффективность этих механизмов снижается из-за формального подхода судов к проверке судебных решений. Апелляционные суды нередко ограничиваются формальной констатацией соблюдения процедурных требований без содержательного переосмотра доказательств и аргументов, представленных сторонами.

Совершенствование механизмов судебного контроля на уровне апелляционной инстанции требует укрепления полномочий апелляционных судов по пересмотру фактической стороны дела.

Статью 389.15 УПК РФ следует дополнить положениями, устанавливающими, что апелляционный суд имеет право при наличии достаточных оснований назначить дополнительное судебное следствие для исследования доказательств, которые не были должным образом исследованы судом первой инстанции. Апелляционный суд должен иметь право направить дело на новое рассмотрение, если выявлены существенные нарушения процессуальных требований или неправомерное применение норм материального права.

Кроме того, необходимо повысить требования к мотивированности судебных решений апелляционной инстанции. Апелляционные постановления должны содержать подробный анализ доводов, представленных сторонами в жалобах, и аргументированные ответы на все возражения, независимо от того, какое решение вынесет апелляционный суд.

Заключение

Анализ конституционных основ охраны прав личности в уголовном процессе показал, что российское законодательство в целом соответствует современным международным стандартам защиты прав человека, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Конституционные принципы получили детальную регламентацию в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, что создало нормативную базу для их практической реализации.

Исследование механизмов обеспечения прав личности на различных стадиях уголовного процесса выявило их существенную дифференциацию в зависимости от процессуального положения лица и стадии производства по делу. На стадии предварительного расследования охрана прав личности осуществляется через систему общих условий предварительного расследования, включающих обязанность следователя разъяснять участникам процесса их права, обеспечивать возможность реализации этих прав, применять меры процессуального принуждения только при наличии законных оснований и в установленном порядке, допускать защитника к участию в деле с момента возникновения процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого. Особое значение на данной стадии имеет институт судебного контроля за ограничением конституционных прав граждан, который реализуется через получение судебного разрешения на применение мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, производство обыска и выемки в жилище, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись телефонных переговоров и иные следственные действия, существенно ограничивающие конституционные права личности.

В судебном разбирательстве гарантии прав личности приобретают качественно иной характер, поскольку реализуются в условиях

состязательности сторон и непосредственного исследования доказательств судом. Право подсудимого на защиту получает наиболее полное воплощение через участие защитника во всех судебных действиях, возможность давать показания и отказываться от дачи показаний, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, задавать вопросы участникам процесса, знакомиться со всеми материалами дела, участвовать в исследовании доказательств, выступать в судебных прениях, произносить последнее слово и обжаловать приговор. Потерпевший также наделяется широким кругом процессуальных прав, позволяющих ему активно участвовать в судебном разбирательстве и отстаивать свои законные интересы. Суд как независимый и беспристрастный орган призван создавать необходимые условия для реализации прав всех участников процесса, обеспечивать равенство прав сторон обвинения и защиты, принимать решения исключительно на основе исследованных в судебном заседании доказательств.

Вместе с тем комплексный анализ правоприменительной практики выявил существенные проблемы в реализации законодательных гарантий прав личности. Наиболее острой остается проблема фактического уголовного преследования без надлежащего процессуального оформления статуса лица, что лишает граждан возможности воспользоваться процессуальными правами, предусмотренными для подозреваемых и обвиняемых. Судебная практика демонстрирует распространенность ситуаций, когда лица допрашиваются в качестве свидетелей, несмотря на наличие объективных данных об их причастности к преступлению, что противоречит конституционному праву не свидетельствовать против себя и праву на защиту. Особенно характерна эта проблема для дел о дорожно-транспортных происшествиях, где участники столкновения, чье участие в создании аварийной обстановки не исключается, систематически допрашиваются исключительно в качестве свидетелей без предоставления им процессуальных гарантий, предусмотренных для подозреваемых.

Серьезную озабоченность вызывает проблема расхождения между моментом фактического лишения свободы и моментом процессуального оформления задержания. Анализ судебной практики показал, что между фактическим ограничением свободы передвижения лица и составлением протокола задержания нередко образуется временной промежуток, в течение которого задержанный находится в правовом вакууме без соответствующих процессуальных гарантий. Это создает риски нарушения конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, а также может использоваться для оказания давления на задержанного с целью получения показаний до обеспечения права на защиту.

Институт содержания под стражей при предварительном расследовании демонстрирует системный дисбаланс между необходимостью обеспечения уголовного преследования и конституционными правами лица, в отношении которого еще не вынесен обвинительный приговор. Судебная практика свидетельствует о преобладании обвинительного уклона при рассмотрении ходатайств об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, когда суды исходят из презумпции виновности, а не из презумпции невиновности. Суды нередко ограничиваются ссылками на тяжесть обвинения и формальное указание на возможность воспрепятствования правосудию без представления конкретных доказательств реальной угрозы такого воспрепятствования. При этом доводы защиты о наличии постоянного места жительства, семейных связей, положительных характеристик и невозможности оказания давления на свидетелей отклоняются без содержательного анализа.

Проблема несвоевременного признания лица потерпевшим остается одной из наиболее болезненных в российском уголовном процессе. Отсутствие в законодательстве четких временных рамок для вынесения постановления о признании потерпевшим приводит к тому, что граждане, пострадавшие от преступления, узнают о своем процессуальном статусе только на завершающей стадии предварительного расследования, когда

возможности влияния на ход следствия оказываются существенно ограниченными. Это противоречит конституционному принципу судебной защиты прав и свобод, поскольку лишает граждан эффективных средств защиты своих интересов именно на том этапе, когда такая защита наиболее необходима.

Особую остроту проблема охраны прав личности приобретает при применении особых порядков судебного разбирательства, предусмотренных главами сорок и сорок первой Уголовно-процессуального кодекса. Судебная практика демонстрирует недостаточность механизмов проверки добровольности и осознанности согласия обвиняемого на рассмотрение дела в особом порядке. Суды первой инстанции нередко ограничиваются формальной констатацией наличия ходатайства обвиняемого и согласия защитника без детального разъяснения подсудимому всех аспектов упрощенной процедуры и последствий отказа от полноценного судебного разбирательства. Эта проблема приобретает критический характер в случаях, когда обвиняемый обладает психическими особенностями, интеллектуальными ограничениями или иными характеристиками, способными повлиять на его способность осознавать правовые последствия своих процессуальных решений.

Для совершенствования правового регулирования охраны прав личности в уголовном процессе необходимо внесение комплексных изменений в законодательство и правоприменительную практику. В статью 56 Уголовно-процессуального кодекса следует включить положение, устанавливающее запрет на допрос в качестве свидетеля лица, в отношении которого имеются достаточные данные о причастности к совершению преступления, до разъяснения ему права не свидетельствовать против себя и права пользоваться помощью защитника. Статью 92 Уголовно-процессуального кодекса необходимо дополнить положением о том, что отсчет конституционного 48 часового срока задержания начинается с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, а не с момента

составления протокола задержания, при этом следует установить императивный срок для составления протокола задержания, не превышающий одного часа с момента доставления лица в орган дознания или к следователю.

В статью 108 Уголовно-процессуального кодекса целесообразно внести изменения, устанавливающие обязательность указания судом в постановлении об избрании меры пресечения конкретных, существенных и доказанных оснований для опасности совершения обвиняемым действий, предусмотренных статьями 97 Уголовно-процессуального кодекса. Суд должен быть обязан провести содержательный анализ доводов защиты о возможности применения более мягкой меры пресечения и дать на эти доводы аргументированный ответ с учетом всех обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и его социальные связи.

Статью 42 Уголовно-процессуального кодекса следует дополнить положением о том, что постановление о признании потерпевшим должно быть вынесено не позднее трех суток с момента установления факта причинения физического, имущественного или морального вреда преступлением. Лицу, которому причинен вред преступлением, должно быть предоставлено право обжаловать в судебном порядке бездействие следователя, выражающееся в невынесении постановления о признании потерпевшим в установленный срок.

В статью 315 Уголовно-процессуального кодекса необходимо внести дополнения, устанавливающие более детальную процедуру проверки судом добровольности и осознанности согласия обвиняемого на применение особого порядка судебного разбирательства. Суд должен быть обязан провести беседу с обвиняемым в присутствии защитника, разъяснить все последствия рассмотрения дела в особом порядке и убедиться в том, что обвиняемый действительно понимает суть происходящего и последствия отказа от полноценного судебного разбирательства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М. : Финансовый контроль, 2004. 410 с.
2. Александров С.А. Содержание, система и развитие уголовно-процессуальных гарантий // Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Труды Горьковской высшей школы МВД. Вып. 2. Горький, 1974. 104 с.
3. Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Герцен П.О. Обеспечение прав умершего лица, пострадавшего от совершения преступления, уголовно-процессуальными средствами // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1 (39). С. 14-24.
4. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 26.01.2017 по делу № 22-141/2017. – Режим доступа. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=93768#qY06QzUy6zS6s8qr> (дата обращения: 10.10.2025).
5. Апелляционное постановление Самарского областного суда (Самарская область) от 27 марта 2025 г. № 22-1971/2025. – Режим доступа. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U1eD8CwjSYx8> (дата обращения: 10.10.2025).
6. Апелляционное постановление Орловского областного суда (Орловская область) от 16 июля 2023 г. № 22К-1047/2023. – Режим доступа. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IFRcR16aNIUI/> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Апелляционное постановление Приморского краевого суда (Приморский край) от 26 марта 2025 г. № 22-1550/2025. – Режим доступа. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rjl614sKonHQ/> (дата обращения: 10.10.2025).
8. Апелляционное постановление Самарского областного суда (Самарская область) от 6 марта 2025 г. № 22-495/2025. – Режим доступа. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zBvH4kKmSKmI/> (дата обращения: 10.10.2025).

9. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание. - Санкт-Петербург, 1998. // Грамота.ру. русский язык для всех: справочно-информационный портал. – Режим доступа. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B9&all=x> (дата обращения: 10.10.2025).

10. Бурашникова Н.А. Личные права в структуре правового статуса личности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1(56). С. 12-19.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

12. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции // Журнал российского права. 1998. № 6(19). С. 94-99.

13. Качалов Е.В. Ограничение прав участников уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2023. № 12. С. 65-69.

14. Качалов Е.В. Права участников уголовного судопроизводства: обеспечение vs ограничение? // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 72-75.

15. Качалова О.В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 38-42.

16. Кобликов А.С. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 26-27.

17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 N 445) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

18. Коробов И.З. Защита в современном уголовном судопроизводстве России как гарантия прав и свобод личности // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика: Материалы 22-ой заочной Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 11 апреля 2024 года. Воронеж : Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2024. С. 44-46.

19. Короткова О.А. Правовой статус личности: понятие, структура // Вестник Калужского университета. 2024. № 2 (63). С. 22-26.

20. Кузнецова Н.Г. Личность, ее права и свободы как объект правовой защиты // Актуальные исследования. 2025. № 31-2(266). С. 27-31.

21. Курс уголовного процесса: учебное пособие / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2017. 1280 с.

22. Марченко Н.М. Проблемы теории государства и права: учебник. М. : Проспект, 2001. 760 с.

23. Материалы уголовного дела № 12201520073000059 // Архив ОРПСЭ СУ УМВД России по г. Омску.

24. Нургазинов Б.К. К вопросу о понимании понятий «свобода личности» и «личная свобода» в конституционном праве // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 3 (61). С. 25-33.

25. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 29-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонова Дмитрия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 256 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Режим доступа. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29012019-n-29-o/> (дата обращения: 08.10.2025).

26. Полянский Н.Н. Судьба процессуальных гарантий личной свободы во Франции. М. : Изд-во АН СССР, 1946. 99 с.

27. Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 120 с.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, сентябрь 2010 г., № 9.

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. Февраль.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». – Режим доступа. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405614449/> (дата обращения: 03.10.2025).

31. Постановление Камышловского городского суда (Свердловская область) от 20 марта 2025 г. № 10-7/2025. – Режим доступа. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WIzZ1D6BwUJH/> (дата обращения: 10.10.2025).

32. Правовая мысль. Антология. Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 1014 с.

33. Приговор Новошахтинского районного суда (Ростовская область) от 6 июля 2020 г. № 1-12/2020 1-374/2019. – Режим доступа. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wzR1SXMAx3oJ/> (дата обращения: 10.10.2025).

34. Рассказов Л. П. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: РИОР, 2009. 464 с.

35. Репин Ю.А. Обеспечение прав и законных интересов личности на стадии предварительного расследования // Юридический процесс в России: Материалы Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23 декабря 2022 года. - Нижний Новгород : Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 334-336.

36. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. - М., 2011. 883 с.

37. Ртищев И.С. Конфликт интересов прокурора и прав участников судебного разбирательства: теория и практика // Трибуна ученого. 2024. № 12. С. 35-39.

38. Сидоров А.М. Правовое значение общих условий предварительного расследования // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 18-19 октября 2023 года. – Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 122-123.

39. Смирнова И.С. Практика обеспечения прав личности при осуществлении фактического уголовного преследования // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 22 апреля 2022 года / Ответственные редакторы И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. – Омск : Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2023. С. 67-71.

40. Старин Б.С. Право как мера свободы личности // Закон. Право. Государство. 2024. № 1 (41). С. 11-13.

41. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М. : Наука, 1988. 320 с.

42. Строгович М.С. Сущность процессуальных гарантий // Избранные труды: в 3 т. Т. 2. М., 1992. 278 с.

43. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

44. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) //Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

45. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. 581 с.

46. Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М., 2019. 255 с.

47. Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1976. 166 с.

48. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.02.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., № 8, ст. 366.

49. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 августа 2004 г. № 32 ст. 3283.

50. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. 606 с.

51. Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира. СПб: Гардарика, 2001. 336 с.

52. Чирица И.Ю. Конституционные гарантии прав и свобод личности в Российской Федерации // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 24 сентября 2024 года. 2024. С. 334-335.

53. Чирица И.Ю. Проблемы реализации прав и свобод личности в Российской Федерации // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике. 2024. С. 335-337.